

18+

ВЛАД КОСТРОМИН

Наследники Мишки Квакина

ТОМ II

Влад Костромин
Наследники Мишки
Квакина. Том II

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38837108

ISBN 9785449360496

Аннотация

Продолжение веселых и забавных приключений юных костромят Пашки и Влада, их заумного хвастливого отца, чопорной матери, глупых жадных родственников и друзей Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Космос	7
Ух ты, Масленица	20
Ружье	31
Сморчки	51
Бойлер	58
Бойлер – 2 (Сочная)	92
Бойлер – 3 (Соучастники)	109
Конец ознакомительного фрагмента.	126

**Наследники
Мишки Квакина
Том II**

Влад Костромин

© Влад Костромин, 2021

ISBN 978-5-4493-6049-6 (т. 2)

ISBN 978-5-4493-6050-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

С наилучшими
пожеланиями!
Всем в Спа, Марфу и
Витю! Славополучия!

*Продолжение веселых и забавных приключений юных ко-
стромят Пашики и Влада, их заумного хвастливого отца, чо-
порной матери, глупых жадных родственников и друзей.*

Благодарности

Хотелось бы поблагодарить:

- всех героев, за невольное участие; -);
- ныне покойных героев рассказов Васю Пепу, Семена Сыся, Марфу Захаровну Максиманиху, деда Бутуя и печника Фирса;
- Леонида Филипповича – как причину ряда происше-
ствий, отраженных в рассказах;

- покупателей книги, не посчитавших нужным информировать о своем участии;
- В. С. Высоцкого – за написание эпитафии к рассказу «Тарелка»;
- отдельная благодарность клубу начинающих писателей «Бумажный слон», несказанно повысившему мое писательское мастерство.

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения Автора. За нарушение авторских прав законодательством Российской Федерации предусмотрена выплата компенсации правообладателя в размере до 5 млн. рублей (ст. 49 ЗОАП), а также уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 лет (ст. 146 УК РФ).

Космос

Рассказ участвовал во II туре «Осеннего кубка миниатюр» сайта Табулатура, «Дне космоса» клуба «Бумажный слон»

Участвовал в конкурсе на международную литературную премию имени В. П. Крапивина для авторов произведений для детей и подростков

Теплым апрельским утром, когда «зеленый шум» из листьев не просто степенно шел, а прямо пер неудержимо, как танк, брызжущие сквозь клейкие березовые листочки золотыми сольдо лучи Солнца так и норовили сбить с пути истинного, а счастливый скворец захлебывался своими звонкими трелями, я притопал в школу. Плюхнулся за обшарпанную зеленую парту, не забыв от нахлынувшего чувства любви ко всему миру хлопнуть стареньким кожаным ранцем, доставшимся еще от бабушки, по спине лучшему другу – Андрею, по кличке Пончик. От удара в ранце звякнула бутылка из-под лимонада «Буратино», наполненная свежим березовым соком. Возмущенный таким приветствием друг вскочил, чтобы жестоко отомстить, но тут в класс впорхнула учительница.

– Здравствуйте, дети, – сказала она, став немного похожей на вернувшуюся Мэри Поппинс.

– Здравствуйте, Ирина Сергеевна! – вскочив, дружно, как курсанты на плацу при виде боевого генерала, ответили все три класса. Да, в классной комнате одновременно занималось сразу три класса: первый, второй и третий – такая особенность нашей начальной школы.

– Садитесь, – учительница прошла к доске. – Дети, какой праздник наша социалистическая Родина отмечает в апреле? – спросила, став у доски.

– Первое апреля? – предположил кто-то.

Все, кроме Ирины Сергеевны, засмеялись.

– Нет, первое апреля это буржуазный пережиток, навязанный нам мировым милитаризмом...

– И израильской военщиной, – подсказал я.

– И израильской военщиной, – по инерции повторила она. – Влад, при чем тут израильская военщина?

– Отец так говорит...

– Ясно, – было заметно, что большого желанья ссориться с отцом у Ирины Сергеевны нет.

– Так все-таки дети, какой наша страна праздник празднует в апреле?

– Наша мирная страна, – вновь встрял я.

– Да, наша мирная страна. Спасибо, Костромин, но не пора ли тебе немного помолчать?

– День рождения вождя социалистической революции, великого Владимира Ильича Ленина! – выпалил Андрюха, потеряв октябрятскую звездочку на лацкане синего школь-

ного пиджачка, на рукаве которого была эмблема с раскрытой книгой и солнцем.

– Спасибо и тебе, Андрей, молодец, этот великий праздник мы празднуем 22 апреля. А еще?

– Мы празднуем день рождения великого вождя советского народа – Иосифа Виссарионовича Сталина? – ободренный похвалой, предположил Пончик.

– Сталина? – закашлялась учительница.

– Да ты что, Сталин в декабре родился, – не выдержал я. – А у меня мать родилась в апреле и мы всегда празднуем.

– А еще? – безнадежно, как лиса на виноград, уставилась на нас учительница.

– Пасха? – предположил кто-то.

– Напрягитесь же, дети. Космос...

– Гагарин! День космонавтики! – обрадовался Андрюха, раздуваясь от гордости как творение графа Цеппелина.

– Ух ты, наконец! – обрадовалась Ирина Сергеевна. – Дети, а кто знает, что такое космос?

– Это такая пустота, из которой такие камни – метеориты падают, – сказал я.

– Как из пустоты могут камни падать? – возразил Андрюха, не ведая, что повторяет слова великого Лавуазье, ставшие парадигмой для Французской академии наук.

– От планет куски, – попытался доказать я.

– Да брешешь ты все! – не верил Андрюха.

Я из-за того, что успел пожить уже в трех разных дерев-

нях, был более сообразительный и юркий, чем Андрюха, к тому же много читал.

– Дети, дети, спокойнее. Влад прав.

– Ирина Сергеевна, вы про военщину? – уточнил я.

– Нет, я про метеориты! Действительно, в космосе есть планеты.

– И Гагарин? – спросил кто-то из младших детей.

– Нет, Гагарин вернулся, но вы молодцы, дети, – тоном жизнерадостной идиотки похвалила учительница. – Теперь, в честь этого торжественного события...

– Праздника? – уточнил Андрюха.

– Да, в честь торжественного праздника, мы проведем мероприятие.

– Какое? – заинтересовалась наша одноклассница Танька.

– Наша планета из космоса кажется такой беззащитной, и мы сделаем ее чище! – улыбке учительницы позавидовал бы любой стоматолог. – У нас страна трудящихся и мы с вами, дети, тоже должны трудиться. Мы проведем субботник!

– Сегодня пятница? – не понял я.

– Да, сегодня торжественная пятница и мы отметим ее субботником в честь дня космонавтики и мира во всем мире!

– И против израильской военщины? – опять переспросил я, представляя, с какой гордостью вечером заявлю родителям, что мы боролись с израильской военщиной.

– Костромин, не мешай нам праздновать! – ответила Сер-

геевна, вполголоса добавив: – Достал уже этот еврейчик! Так дети, выходим из школы и убираем территорию, прилегающую к конторе и детскому саду, – командовала она, – о граблях я побеспокоилась.

– Пускай перед садиком детсадовские убирают, – начал пререкаться Андрей. – Чего мы должны за них убирать?

– Так, хватит спорить! СССР первая держава, которая в космос вышла, а ты как подкулачник делишься с младшими детьми! – высказала Ирина Сергеевна. – Грабли в руки и вперед, вместе с нормальными детьми радоваться дню космонавтики! А кто считается с младшими, тот не советский школьник, а буржуй какой-то недобитый. Тебе понятно?

– Понятно, – пробубнил друг в ответ.

Мы разобрали стоящие в конторском коридоре под досками почета и позора грабли и гурьбой вывалили на улицу. Обрадованный скворец встретил наше появление особенно прочувствованной трелью. Грачи с берез, росших у столовой, его дружно поддержали. Сергеевна, стоя на крыльце как Суворов, взмахами рук распределяла фронт праздничных работ.

– Вы туда, вы туда, а Костромин с Родионовым за свои дурацкие вопросы будут скрести кусты перед детсадом.

Уныло, как военнопленные, мы исполняли торжественную повинность, вдыхая одуряющий запах от взбудораженной ночным дождем близкой липовой аллеи, распутившей почки, набухшие розовато-зелеными драгоценными камнями.

ми.

– Люди в космос летают: Гагарин, Леонов, Терешкова, а мы тут мусор скребем, – плюнул на изумрудно зеленеющую траву, дождавшуюся ласточки с весной, Пончик. – Нечестно!

– Коммунист не должен бояться самой черной работы – так Ленин сказал, – как мог, утешил я друга. – Будем скрести грязь, учиться, станем коммунистами, а потом и космонавтами.

– Тьфу на тебя! – толкнул меня в куст.

Я не удержался на ногах и упал.

– Родителей вызову! – подбежала, учительница, заметившая со своего наблюдательного поста непорядок. – Что вы за свиньи? Все дети рады, трудятся, а вы, как не знаю кто, как Мальчиши-плохиши! Таких недисциплинированных граждан никогда не возьмут в космонавты!

– Зачем ему в космос, он Лениным будет, – пророчески огрызнулся Пончик. – Космонавтов много, а Ленин один, – логично заключил он.

– Андрей, немедленно, слышишь, немедленно помоги подняться товарищу, иначе я за себя не ручаюсь! И прекрати мне тут антисоветскую агитацию, – понизила голос Ирина Сергеевна. – Ведешь себя как единоличник!

Рослый друг протянул мне руку, но я не спешил вставать – лежа в кустах и вдыхая терпкий запах молодой травы, я заметил денежку. Не обращая внимания на протянутую руку

помощи, я коршуном выхватил из цепких лап струящегося зеленыю куста монету и лишь после этого встал. Отряхиваясь от грязи, незаметно сунул добычу в карман.

– Еще раз и все! – напутствовала Ирина Сергеевна. – Те, кто ставит частнособственнические интересы выше интересов общества, в космос не полетят никогда!

– А как же тогда американцы на Луну полетели? – уступив подстрекательствам беса сомнения, опять задал я вопрос.

– Это частный случай, не позволяющий судить об общей картине. А ты своим головотяпским непониманием ситуации льешь воду на мельницу мирового империализма и, – она сделала паузу и торжественно закончила, – израильской военщины! Понял?

– Понял, – пристыженный выволочкой, я больше не осмелился спорить, опасаясь долгой лекции «о руководящей роли партии и правительства в то время, когда наши космические корабли бороздят просторы...». Бес тоже не стал дожидаться лекции и, ехидно хихикая, припрыгивающей походкой отправился к детскому саду развращать новые невинные души.

– Заруби себе на носу: Советский союз первым полетел в космос и никак иначе! – удовлетворенная победой, она отошла.

– Я бы полетел туда, – глядя на лазурь, увидев которую Грабарь бы удавился от зависти, указал на солнышко, норовящее бросить луч, как золотой дублон из «Острова сокровищ».

вищ», прямо в левый глаз, Андрей. – На Солнце.

– Там так горячо, что и до нас тепло долетает, сгоришь.

– Тогда на Марс.

– Во, на Марс еще можешь успеть, – сжалился я, – если дисциплинированным будешь, – все-таки не удержался от подначки.

– Да ну тебя! Скреби лучше, а то вон лист остался за тобой.

– А за тобой два листа, – указал я.

Пару часов мы душевно скребли радующуюся весне природу. Даже откопали возле остатков забора, под гниющими листьями и серым сеном ноздреватый лед.

– Так тепло, а лед и не тает, – удивился Андрей.

– Раньше так лед сохраняли на лето, – поделился я прочитанным в какой-то книжке, – засыпали опилками и сеном, а летом в погреб относили, и квас на нем держали.

– Было же время, – вздохнул друг. – Без холодильников жили.

К обеду учительница сжалилась и выстроила нас.

– Молодцы дети, все славно потрудились, даже Влад с Андреем. Сегодня вы получили важный урок – только опираясь на коллектив можно чего-то добиться. И в этом вам помог подвиг простого советского парня Юрия Алексеевича Гагарина, который на детище Сергея Павловича Королева первым на нашей планете полетел в космос! Без помощи товарищей и партии он был бы простым безвестным лейтенан-

том, а так покори́л своей улыбкой весь мир! Ура, дети!!!

– Ура!!! – закричали мы, и грачи испуганно шарахнулись с берез.

– Космос полон манящих и непознанных тайн и дисциплина откроет вам путь! Не следует забывать, что наша страна не только впервые в мире запустила в космос человека, но и отправила туда женщину! Ура!!!

– Ура!!! – опять проорали мы.

– Влад, о чем это говорит?

– Что женщина тоже человек? – не понял я.

– Это говорит о том, что надо не умничать как обезьяна, а слушать старших! Полет женщины в космос демонстрирует социалистическое равенство! Понятно?

– Понятно, – ответил строй.

– Поставьте инвентарь на место и можете идти по домам, сегодня уроков не будет.

– Спасибо, Ирина Сергеевна, – ответили мы.

– Помните, только дисциплинированные дети станут космонавтами и полетят к другим мирам, – напоследок напутствовала она.

– Пошли ко мне, – предложил я другу. – Котят наших посмотришь.

– Пошли. А интересно, на девятое мая училка нас заставит окопы рыть?

– Я откуда знаю?

– Смотри, что я нашел, – когда мы шли через конторский

сад, готовящийся через две-три недели выстрелить белыми и розовыми зонтиками, манящими майских жуков, похвастался я. – Пятнадцать копеек.

– 53-го года, – Андрюха с интересом осмотрел мою находку. – Повезло тебе. Старые монеты в цене. Поменяемся на что-нибудь?

– Нет, – хотя меняться после прочтения «Тома Сойера» я очень любил, но отдавать редкую денежку было жалко. – Начну коллекцию собирать.

– Если передумаешь, то скажи.

Придя домой, мы увидели отца, важно, как вожак макак-резусов, сидящего за столом в прихожей и плотно закусывающего. Перед ним стояла ополовиненная бутылка водки и лежала доска с порезанным салом, чесноком и луком.

– Привет, пионеры! Чего так рано? – весело осклабившись зубастой акульей пастью, спросил он.

– Так праздник же сегодня, – отрапортовал я. – День космонавтики.

– Молодцы. И как отметили?

– Провели субботник.

– И все?

– Боролись с израильской военщиной.

– Это похвально, как говорится, сын достойный своего достойного отца.

– Еще я монету нашел, – ободренный похвалой, признался я, протягивая ее отцу.

– Монета это хорошо. Это даже, можно сказать, чудесно, – он осмотрел мою находку. – У меня тоже была когда-то монета, так матерые филателисты ходили ко мне по ночам. И космонавтика это хорошо. Меня чуть в космонавты не взяли, но потом передумали, а так бы быть тебе сыном космонавта, – потрепал папаша меня по волосам.

– Ты бы как Гагарин был? – уточнил я.

– Может даже лучше. Я же Гагарина видел, вот как вас, – глядя в наши наливающиеся неприкрытым восхищением глаза, соловьем заливался отец.

– Правда? – спросил я.

– Юру Гагарина? – уточнил Андрюха.

– Конечно, Юрку Гагарина. Других же не было, – кивнул головой и по-ленински монументально задрал руку. – Простой такой парень, вроде меня, ну, может, чуть попроще... Уму непостижимо, как благодаря руководящей роли партии и лично Никите Сергеевичу Хрущеву простой русский парень попал, как говорится, не на Колыму или за Можай, а на околоземную орбиту, – он, склонив голову, как сыч, посмотрел на нас.

Терзаемый шустрым червячком сомнения, приползшим на смену бесу, я начал лихорадочно вычислять. Отец 1957 года рождения, а Гагарин погиб году в 68-69-м где-то.

– А когда ты его видел? – наконец не выдержал я, плеснув в костер разговора немного керосина сомнения.

– Нас, школьников, в Москву возили и на Красной пло-

щади мы его встретили, – вздохнул родитель, наполнив еще рюмку. – Земля ему пухом! – водка провалилась в бездонное горло.

– А еще кого вы видели? – Пончик не сводил с него восхищенного взгляда.

– Еще? – задумался отец, взгляд его блуждал по сторонам как экспедиция Амундсена. – Еще? – налил в рюмку, махом выпил. – Еще? – взгляд зацепился за книжный шкаф, сквозь дверь выглядывающий из моей комнаты. – Аркадия Гайдара я видел!!!

– Ух ты! – восхищенно вскрикнул Андрей. – Живого Гайдара?

– Да вот как тебя, – небрежно взмахнул десницей отец, – Прямо вот так стоял передо мной, смеялся, даже книжку мне подарил. Вон там, в шкафу стоит, – узловатый палец указал нужное направление. – Можешь взять почитать, очень интересно – про штаны из «чертовой кожи», вроде как Пашка наш сейчас носит.

– А Горбачева вы видели? – преданно как щенок глядя в глаза, спросил Пончик, вспомнив горячо обсуждаемого деревенскими мужиками генсека и его «сухой закон».

– Горбачева? – отец задумался, пустив морщины, похожие на высохший такыр, по обширному лбу. – Горбачева пока что нет, но думаю, что увижу. Ладно, пойду на работу, а вас с праздником, щеглята, – с сожалением посмотрел на опустевшую бутылку и встал с табуретки. – Без партии

вам не бывать орлами. Учитесь хорошо, дикобразы, и скоро станете космонавтами. Или комбайнерами – передовиками.

– Нет, мы лучше космонавтами, – вежливо отозвался я.

Андрюха согласно закивал.

– Зря, – не согласился отец. – Коммунистическая партия в моем лице вполне бы сделала из вас победителей социалистического соревнования с вручением переходящих красных вымпелов и радиоприемников «Ленинград-002». Ну, пока подумайте, время у вас есть, – ворча гордо, как насытившийся французской булкой, крошимой благообразной старушкой, голубь, закрывая за собой дверь на веранду, напутствовал он.

– Какой у тебя батя! – с восхищением и завистью сказал мне Андрюха. – Мне бы такого! И Гайдар книжку подарил, и Гагарина видел, и чуть в космос не полетел!

– Угу, – согласился я, точно помня из предисловия к «подаренной» книге, что автор погиб в первые дни Великой отечественной войны. – Самое место ему в космосе...

Ух ты, Масленица

Рассказ выставлялся в первом туре Седьмого чемпионата прозаиков ЛитКульты. Занял шестое место в группе.

Поздним февральским утром отец вдруг подхватился с кровати и, как чертик из коробочки, выскочил из спальни.

– Рота, подъем! – так истошно, что на улице испуганно взвилась с березы стая грачей, сидевших там с благочинностью квакеров, заорал он, остановившись напротив двери в мою комнату. – Что спите, как сурки запечные? Подъем, рахиты!

– Вить, ты совсем ошалел? – откликнулась из кухни мать. – Все уже встали давно, один ты дрыхнешь.

– Как встали? Когда встали? – недоумевая, закрутил лысой головой как лошадь, отгоняющая надоедливых мух.

– Давно встали, – вышла мать из кухни. – Завтракать будешь?

– Давай, – протопал на кухню и гулко помочился в пустое оцинкованное ведро из-под угля.

Вернувшись в прихожую, тяжело плюхнулся на табурет, и устало облокотился на стол.

– Яичницы поджарь, – распорядился чуткий глава семьи. – Нет худа без утра. СтаршОй, ты чем там промышляешь? – проорал.

– Паяю, – вышел я из комнаты Пашки – младшего брата.

– Ху... ю, – передразнил отец. – Подай мне горчицу, сметану и хрен из холодильника.

– А тебе трудно руку протянуть и взять?

– Разговорчики в строю! Отец отдал приказ! – старательно почесал грудь, покрытую густыми волосами.

Под этот скребущий по нервам звук я достал из холодильника три стеклянные баночки.

– Что ты как чешпень какой? – плюхнула на стол подставку и водрузила на нее сковородку мать. – Или у тебя зудень завелся?

– Сама ты зудень! – жадно хватая поданные мной банки и щедро выплескивая содержимое на скворчащую яичницу, ответил отец. – Блинов напекла?

– Каких блинов?

– Ну, ты и чучундра! Масленица же сегодня! Пеки блины!

– Вить, до чего же ты зудливый! Из чего я тебе блины испеку?

– Скреби по сусекам! – папаша стал жадно пожирать яичницу. – Двух вон каких колобков напекла, – кивнул на нас, – а блины не можешь?

– Почему это я колобок? – обиженно спросил я.

– Это сейчас ты как падла худой, – просветила мать, – а когда родился, то был такой толстенький, ножки разложишь, ручки разложишь, и лежишь, щуришься, ну чисто Ленин.

Мы с Пашкой переглянулись, переваривая информацию.

Быстро, как лесной пожар, поглотив завтрак, отец закурил «Приму», откинулся спиной на подоконник, и начал немелодично напевать:

– Помидоры, помидоры, пусть живет у нас романтика в сердцах.

– Каскадеры, – поправил Пашка, вопреки своему обыкновению не перепутав малознакомое слово.

– Умнее батьки, да? – угрожающе уставился на него папаша, пытаясь проглотить взглядом.

– Нет! – поспешно открестился брат. – Ничего я не умнее!

– Мне с вами давно пора звание «Отца-героя» давать!

– Что ты к детям пристал? – вновь выглянула из кухни мать. – Вроде трезвый еще...

– Не мешай мне воспитывать отпрысков! – опять начал гулко скусти грудь, став при этом похожим на детеныша бабуина.

– Да что ты как часоточный?

– Рука чешется.

– Какая? – показалась из кухни заинтересованная мать. –

Если правая, то это к прибыли, а если левая, то к убытку.

– Правая.

– Это хорошо!

– Ты от блинов-то не отвлекайся! Вы, хорьки собирайтесь, поедем сейчас в райцентр.

– Вить, не тяни с собой детей!

– Цыц! Пора делать из них помощников отцу. Собирай-

теть!

– Ух ты, Масленица, – вспомнил мультфильм брат.

Ехать никуда не хотелось, но если отец что-то вбил себе в голову, то его и трактором ДТ-75 не перетянешь.

– Вить, смотри не нажрись, а то ГАИшники поймают!

– Кто меня поймает? – по-Тарзаньи воздел папаша руки вверх и начал колотить себя по растянутой майке с выцветшим штампом какого-то санатория. – Все, три минуты на сборы!

Он грузно протопал в спальню и вскоре вернулся в коричневом шевиотовом пиджаке, светло-серых чесучовых брюках и желтоватой гипюровой рубашке. На шее болтался ядовитый зеленый галстук с непонятными узорами.

– Красивше нас никого нет! – самодовольно заявил отец, оглядывая себя в большое зеркало, висевшее на двери раздевалки. – Прямо принц!

– Ты куда это так вырядился? – ревниво спросила мать.

– К бабушке.

– Опять нажрется, ироды! – всплеснула руками.

– То с Божьей помощью! Понимать надо, как говорится, политические моменты. Всё, спиногрызы, в машину!

Вышли из дома, осторожно прошли по дорожке, на которой лед был засыпан шлаком, покинули двор и подошли к гаражу.

– Постойте тут, а то еще сопрете что-нибудь, – распорядился папаша, отпирая дверь в гараж. – Я сейчас выеду.

Он с тяжеловесной грацией вождя стада бегемотов проскользнул в приоткрытую дверь. Вскоре в гараже послышалось бульканье, а затем щелчок открывшейся дверцы машины.

– СтаршОй, иди сюда, ворота открой!

Я зашел в гараж и начал вынимать штыри из запоров. Папенька завел машину. Я распахнул ворота, он выкатился на свежий снег. Я запер ворота, выйдя, закрыл за собой дверь гаража. В воздухе пахло близкой весной и свежим конским навозом. Навоз ощущался ближе, чем весна. Брат уже успел усесться в машину. Я тоже отправился туда.

– Ключи гони, – протянул руку отец. – А то еще потеряешь.

Я молча отдал ключи. Машина тронулась с места. От отца ощутимо тянуло спиртным. Всю дорогу он что-то мурлыкал себе под нос. На подъезде к райцентру, ожидая на переезде пока проедет поезд, посмотрел на нас.

– Значится так, как говорится, в дверях правды нет, поэтому к отцу Василию мы не поедем.

– Почему? – с трудом поспевая за зигзагами его мысли, спросил я.

– А потому, что как говорится, нельзя с тобой идти в разведку.

– Какую разведку? – занервничал боязливый брат, пугливо осматриваясь по сторонам.

– Ни в какую разведку с вами нельзя, карандухи. Не знаете

всем известных вещей, что отец Василий уже неделю сидит на «сутках».

– И что будем делать? – уточнил я. В скорое возвращение домой верилось с трудом.

– А делать будем вот что! Сейчас поедем на площадь. Там стоит столб. Тебе надо на него залезть.

– Зачем?

– Как зачем? Там призы: сапоги и поросенок.

– А поросенок нам зачем? Нам что, своих свиней мало?

– Поросенок всегда в хозяйстве сгодится. Будет вам бра-
тиком, – папаша гулко захохотал, и машина тронулась, про-
скочив под поднимающийся шлагбаум.

Доехали до площади Ленина. Припарковались, вышли из машины, вошли в толпу. Точнее, папаша пер, расталки-
вая людей, как бешеный буйвол сквозь тростник в гон, а мы держались в кильватере. Прорвавшись к центру, останови-
лись, глядя на столб, вокруг которого были скупно посыпаны
опилки.

– Я туда не полезу, – уставившись на упиравшийся в низ-
кие облака столб, заявил я. – Сам лезь!

– Куда я полезу с геморроем? – возразил отец.

– Откуда у тебя геморрой? – удивился я.

– Оттуда, – неопределенным жестом указал куда-то мне
за спину. – Из Америки, вестимо.

– При чем тут Америка? – невольно оглянулся я.

– При том. Лезь давай, – цепко ухватил за шею и вытолк-

нул к столбу. – На тебя смотрит страна.

От сильного толчка я едва не врезался, как камикадзе в американский корабль, головой в столб. Чтобы удержаться на ногах, пришлось столб обнять.

– Давай! – подбадривающе кричали в толпе.

Я стоял, держась за скользкое дерево. Мало того, что столб был сырым, так еще чья-то жадная душа смазала его чем-то скользким.

– Вперед! – надрывался за спиной папаша. – Будь мужиком!

Я начал медленно карабкаться вверх. Медленно, но верно, как вода, точащая камень дополз до середины. Взглянул вниз и внезапно закружившейся головой осознал, что выше не полезу. Толпа притихла, наблюдая за мной.

– Слазь мальчик, – крикнула какая-то сердобольная женщина. – Хватит! Убьешься!

Я, как утопающий в гадюку, вцепился в столб. Сил спускаться не было.

– Еще чуть-чуть и станешь старшим ребенком в семье, – громко сказал отец Пашке.

Я продолжал висеть, прислушиваясь к судороге, которая потихоньку начала сводить все тело.

– А баптистов уже поймали? – продолжал отец.

– Каких баптистов? Не до баптистов, – зашикали на него.

– По селектору передавали, что будут провокации баптистов из Америки.

– Ну тебя! Мальчик, слезай! – заволновалась толпа. – Будя!

– Свалится, – скучающе предсказал отец. – И всмятку. Кисельку выпьем.

– Лестницу ищите! – волновалась толпа. – Пожарным позвонить.

Я закрыл глаза. Постепенно гул толпы растворился где-то вдали. Очнулся только тогда, когда забравшийся на длинную лестницу, приставленную к столбу, мужчина продел мне подмышки веревку.

– Аккуратнее, потихоньку, отпуская, – уговаривал меня он. – Все хорошо будет.

С трудом я вновь вернулся на грешную землю.

– На, попей, – кто-то сунул в руку бутылку.

Я глотнул, не чувствуя вкуса.

– Отвезу ребенка в больницу! – услышался знакомый голос, в носшибануло убойное сочетание запаха кислого навоза и сигаретного перегара, и отцовская рука выдернула меня у встревоженных людей. – Мало ли.

Он на буксире, как баржа утлый планшкоут, проволоч меня сквозь толпу. Кругом встревоженными пчелами шумели люди. Дотащил до машины. Брат уже сидел внутри.

– Залазь.

Я втиснулся на сиденье.

– Шашки в мешки и ходу! – усаживаясь за руль, сказал папаша и самодовольно посмотрел на меня. – Все отлично

вышло.

Отец до того был похож на самца мадрила, что я моргнул, чтобы развеять наваждение. Он вырулил со стоянки и поехал в сторону дома.

– Пока ты отвлекал эту толпу пролетариев, которым нечего терять кроме своих цепей, твой ловкий батя сапоги и поросенка умыкнул!

– Правда?

– Да, – мрачно подтвердил брат. – Батя украл мешок с поросенком и сапоги.

– Здорово, – неискренне восхитился я.

– Учитесь, дикобразы, пока батя жив! А то будете как вакуоли жидкие. Какой у вас батя ловкий! – его просто распирало от гордости. Того и гляди, лопнет.

– Это да, – покорно соглашались мы, но он нас даже не слушал.

– Шикарно, дети мои, просто шикарно! Какие сапоги! Какие матерые сапожищи!

Когда приехали домой, нас встретила сидящая на заборе и надсаживающаяся в крике стая грачей. Папаня гоголем расхаживал по дому в краденых сапогах, помахивая мешком с поросенком.

– Это вам не чуни какие-нибудь! Они прекрасны! Уму непостижимо, как они прекрасны! – самозабвенно, как мотылек бражника, порхая по комнате и притопывая сапогами, хвалился он. – И их два! Обратите внимание!

– Откуда это? – всплеснула руками мать.

– Все оттуда же, – ликовал он, – на столб залез и выиграл!

– Не так ли, дети? – подмигнул нам.

– Да, – отворачиваясь, подтвердил брат.

– Ты залез на столб? – не верила, разглядывая заметное

брюшко супруга. – На столб?

– Залез и выиграл! Сапоги и поросенка! Никто не смог, а я запросто! Твой муж герой! Все настолько прекрасно, что и желать больше нечего!

– А тебе сапоги не малы? – присмотрелась к «выигранной» обуви.

– Слегка жмут. Суший пустяк.

– Покажи подошву, – задрала ногу супруга и прочла размер, – Сорок второй, а у тебя сорок пятый.

– Да ладно, детям сойдут, – плюхнулся в кресло и с трудом стянул сапоги. – Не так ли?

– Сойдут, – согласилась мать.

– По размеру ступни можно рост человека определить, – сказал я.

– Как? – заинтересовался Пашка.

– Нужно длину ступни умножить на шесть с половиной.

– Почему?

– Потому, что соотношение длины ступни человека составляет $1/6,5$ роста. Книжки читать надо.

– Зато поросенок в хозяйстве нужная вещь, – продолжал бахвалиться отец.

– А почему батя постоянно брешет? – тихо спросил брат.

– Как тебе объяснить? – задумался я. – Помнишь, книжку тебе про Гудвина из Изумрудного города читал?

– Который всех заставлял в очках ходить? – почесал переносицу очками брат.

– Да. Батя такой же. Тоже волшебник страны Оз.

– Слез, – поправил брат.

– В смысле? – не понял я.

– Волшебник страны слез, а не Оз.

– Это да...

Ружье

Рассказ принимал участие в конкурсе «1 сентября на БС!»

Опубликован в №1 (6) за январь 2019 года литературного журнала «Четверг»

ежемесячный литературный журнал

ЧЕТВЕРГ

18+

№ 1 (6), январь 2019

УСАДЬБА "РОЗЕЛЬ"

детектив Елены Тюриной

РУЖЬЕ

социальная драма Влада Костромина

О ЧЕМ РАЗМЫШЛЯЕТ ПРОПАЦИЙ И ТРАГЕДИЯ АФРОДИТЫ

рецензии Федора Ахмелюка

на социальные драмы

Александра Гусева и Сары Бергман

КОНВЕРТ БЕЗ ОБРАТНОГО АДРЕСА И У КАЖДОГО - СВОЁ

военная проза и социальная драма

Федора Ошевнева

С ЧЕРНОГО ХОДА

продолжение сатирического романа

Валерия Румянцева о позднем СССР

НАПИШИТЕ НАМ
на thursdae@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

ОТЗЫВЫ

КРИТИКА

ИНТЕРВЬЮ

ПОДРОБНОСТИ

РАССУЖДЕНИЯ

МНЕНИЯ

АНОНСЫ

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ БЕСПЛАТНО

Младший брат мой, Пашка, был слегка не в себе – человеком кургузеньким и запуганным, но при этом весьма себе на уме и хитёр как сорок тысяч енотов. А еще, как матерая сорока, падок на чужие вещи. Это было после зловещего, бросившего тень на всю деревню, похищения горшков из детского сада. Брат и его верный кунак Шурик Моргуенок появились перед моими глазами, когда я стучал по самодельной груше из лопнувшего волейбольного мяча, подвешенной к яблоне. Мяч, к слову сказать, был похищен где-то этими юными разбойниками и верно служил нам футбольным, пока жарким летним не лопнул из-за того, что его перекачали.

– Влад, дело есть, – оглянувшись по сторонам и злобно зыряка из-под перемотанных синей изолентой очков, словно приговоренный к расстрелу народоволец, начал брат.

– Нет уж, – прекратив избивание груши, откликнулся я. – Сами воруйте свои унитазы и горшки, без меня. Я больше в ваших темных делах не участвую, – отвернувшись от плутов, опять начал молотить ни в чем не повинную грушу.

– Ты должен нам помочь! – продолжал гнуть свою линию Пашка. – Ты же старший брат!

– Вот именно, что старший. Вам ничего не будет, а меня в колонию отправят.

– Чего тебя отправят? Мы ничего такого не собираемся делать... – брат допекай еще тот.

– Угу, сначала воруете унитазы у соседей, потом горшки и карты в детском саду, а теперь «ничего такого не собираемся». Что на этот раз? Поджечь деревню задумали?

– Нет, – брат вновь воровато оглянулся, – ружье.

– Какое ружье? – подумал, что ослышался. В голове возникла абсурдная картина, когда Пятачок приходит к Винни-пуху и говорит: «У меня есть дома ружье».

– Мы хотим украсть ружье, – вступил в беседу Моргуенок.

– Зачем оно вам??? – в голове сформировалась совсем другая картина, без Пятачка и медведя-сладкоежки: Пашка и Сашка воруют ружье нашего папаши и стреляют в воспитательниц детского сада, которых по какой-то причине ненавидели. Что-то там не «срослось» с воспитателями, из-за чего юные бармалеи замазали глиной дверной замок. За что были показательно наказаны, чтобы прочим детям было неповадно. Еще и мать потом дома ему ввалила как сидоровой козе. С тех пор они, каждый раз появляясь вечерами возле детского сада, с завидным постоянством замазывали замок. Пашка даже специально для этого с собой глину в кармане таскал. А потом вообще втянули меня в кражу со взломом, правда, унесли только горшки и старую политическую карту СССР. Больше ничего ценного в детском саду не оказалось. – Вы что, совсем ошалели?!!

– А что тут такого? – не понял брат.

– Да вы даже не сможете выстрелить!!! Вас отдачей со-

бьет!!!

– Какой отдачей? – вытаращился Пашка.

– От выстрела, – терпеливо, как умственно отсталым, начал объяснять я. – Даже у меня едва хватает силы, чтобы удержать ружье при выстреле, а вас просто снесет. Да и что вам такого сделали воспитательницы, чтобы в них стрелять за это?

– Какой выстрел, какие воспитательницы? – теперь уже они смотрели на меня как на умственно отсталого.

– Ладно, – взял себя в руки, – давайте с самого начала и по порядку.

– К Рябичу приехал брат двоюродный в гости, – начал объяснять Пашка, а Шурик кивал головой. – Из Москвы.

– Так.

– У него ружье духовое, пробками стреляет...

– Ты ничего не путаешь? – Брату была свойственна вечная путаница в новых словах: подберезовики он называл подборововиками, а бесприданницу бесхребетницей.

– Если в пробку иголку воткнуть, то будет ого-го, – перебил Шурик.

– Да, – кивнул в свою очередь брат. – Сейчас они с Вовкой Лобаненком играют возле клуба. Если ты сможешь нам их отвлечь, то мы украдем ружье...

Рябича Пашка тоже недолюбливал с детского сада, когда тот пригрозил его зарезать за украденный зонтик. А Лобаненок – сын нашего соседа через дорогу Кольки Лобана. Стало

слегка проясняться.

– Может не надо? – спросил, понимая, что они от затеи все равно не откажутся. Да и признаться, самому было интересно взглянуть на такую штуку – духовое ружье.

– Там рычаг вниз двигаешь, и оно заряжается, – захлебываясь, начал Пашка. – Потом пробку в ствол и стреляешь – нужная штука.

– Если иголку воткнуть, – вновь дополнил Моргуnenок.

– Как у ковбоев, – подвел итог брат.

Я помнил, как Пашка с упорством маньяка пытался завладеть записной книжкой двоюродной сестры Лариски, а тут ему опять «попала шлея под хвост» и глаза вновь засверкали болотными огоньками.

– И как я должен их отвлечь?

– Не знаю, ты там придумашь что-нибудь, – с огромной убежденностью заявил Пашка.

Моргуnenок утвердительно кивнул. Признаться, я не был так уверен, но попытка не пытка. Да и на живого москвича посмотреть интересно.

– Ладно, пошли.

И мы пошли. Вышли из сада, пересекли посадку, дорогу, нырнули в липовую аллею, тянущуюся от почты до клуба, прошли ее. Возле клуба стояли и что-то бурно обсуждали сам Сергей Рябич; незнакомый мальчик в клетчатых шортах и сандалиях, с ружьем на плече – по ходу, тот самый москвич; Лобаненок на велосипеде и трое маленьких детей Миши

Артемкина, живущего за столовой. Когда мы вышли из аллеи, то вся компания насторожилась. Только москвич смотрел нагло, демонстрируя презрение к деревенским. Сразу захотелось проучить задаваку, и идея украсть ружье уже не казалась такой дикой.

– Привет, – сказал я.

– Привет, – нестройно протянули в ответ, справедливо ничего хорошего от нас не ожидая.

– Володь, дай на велосипеде прокатиться, – попросил я.

Признаться, до того я ни разу не катался на велосипеде.

– На, только недалеко, – помявшись, сполз с велосипеда сосед и протянул его мне.

Я забрался в седло и начал крутить педали, направив двухколесного коня в сторону фермы, до которой было с километр.

– Он же украл твой велосипед! – услышал за спиной звонкий голос Моргуnenка.

– Как украл?! – ахнул Володька.

– А вот так!

– Отдай, – заорал Лобаненок и кинулся в погоню.

Я с силой начал нажимать на педали и быстро набрал скорость, но он вцепился рукой в багажник и с криком бежал за мной.

Пока дети увлеченно следили за необычной погоней, Шурик внезапно ударил в лицо москвича. Тот от неожиданности присел, выронив ружье. Моргуnenок стремительно, словно

коршун цыпленка, схватил трофей и кинулся бежать, но споткнулся и упал, сломав ствол ружья. Владелец ружья схватил валявшуюся на земле палку и ударил незадачливого воришку по голове. Тот схватился за голову и заголосил. Пашка во всей этой суматохе схватил поломанное ружье и, воровато оглядываясь, побежал за клуб. Москвич растерялся: то ли бежать за ружьем, то ли продолжать бить Шурика.

Я доехал до фермы и стремительно развернулся, едва не грохнувшись с велосипеда. Лобаненок по инерции оторвался от своего двухколесного друга и, перелетев через дорогу, загремел в кювет. Я помчался обратно к клубу. Сзади послышался шум, но оглядываться я не стал, и так понимая, что упорный Вовка опять мчится за мной будто тень. Подлетев к клубу, спрыгнул с велосипеда и прислонил его к березе. Москвич принял решение и кинулся за клуб в надежде вернуть ставшее камнем преткновения ружье. Подбежавший Лобаненок с ликующим криком вождя команчей впрыгнул в седло и, громко завывая, помчался по дороге к своему дому. Пыль за ним стояла как за стадом бизонов.

Я поднял поверженного Шурика.

– Я его сейчас отколочу! – грозно посмотрел он на остальных детей. – Тоже мне, приехал сюда и думает, что все можно. Мой батя его бацию зарежет!

– Ты же первый начал, – попытался урезонить его Рябич.

– Он мне на ногу наступил!

– Ладно, хватит, – прервал я. – Пошли, посмотрим, что

там творится.

Мы пошли за клуб, задворки которого напоминали захламленное железнодорожное депо с выбитой до каменной твердости землей, пожухлым бурьяном и горами шелухи от семечек. Увидели ограбленного москвича, пытавшегося протереть глаза от кирпичной пыли. Пашка набрал крошки дробленого красного кирпича за библиотекой и, дождавшись за углом, швырнул приезжему бедняге прямо в глаза.

– Ослепнет теперь, – злорадно прокомментировал Шурик, глядя на мучения врага. – Надо было в своей Москве сидеть!

– Вас посадят, – заплакал москвич. – Подонки!

– Сам ты подонок! – сорвавшись с места Моргуnenок отвесил ему пендель. Рябич кинулся защищать брата, и они с Шуриком, сцепившись, упали на траву. Я еле растащил их.

– Я тебя зарежу! – орал Сергей.

– Я тебя сам зарежу! – не оставался в долгу Моргуnenок.

Москвич, слушая все это, и немного протерев глаза, мелкими шажками двинулся наутек.

– Ладно, хватит ругаться. Я домой пошел, а вы как хотите, – сказал я.

– Я с тобой, – поспешил Моргуnenок. – А тебя зарежут, – напоследок пригрозил Рябичу.

Мы потопали по дороге, по щиколотку утопая в горячей ароматной пыли, плескающейся словно вода.

– Не жалко паренька? – спросил я.

– Чего его жалеть? У него, небось, джинсы есть! А может даже видик!

– Хм... – не нашел, что ответить.

В саду сидел Пашка и горестно рассматривал поломанное ружье.

– Что теперь делать? – со слезами на глазах спросил он.

– А когда вы человека грабили, вы не думали, что теперь делать будем? – поинтересовался я.

– Никого мы не грабили! – надулся Моргуnenок. – Он сам уронил, а мы нашли. Смотрим, оно поломанное и отдавать не стали. И вообще, может, это не он потерял?

– Поломалось! – продолжал горевать брат. – Что теперь?

– А если он родителям пожалуется? Артемкины же все видели, и Рябич расскажет.

– А мы скажем, что они брешут, – отпирался Моргуnenок. – Кому поверят?

– Наша мать скорее им поверит, чем нам, – наученный горьким опытом, сказал я.

– Как же теперь стрелять? – не унимался брат.

– Да ну тебя!!! Дай сюда!!! – я выхватил ружье и осмотрел.

Ствол был поломан, и примерно треть ствола, заткнутая пробкой, болталась на полоске пластмассы.

– Ножовкой ровно отпилим и все – пробку можно будет вставлять, – вынув пробку, попробовал вставить ее в поломанное место – стала плотно. – И будете стрелять, дикари, как кулаки из обреза.

– Точно! – обрадовался Пашка.

– Еще иголку воткнуть и будет ого-го! – оживился Моргуnenок.

– К вечеру придет мать и точно нам ого-го будет, – не разделял я их восторгов.

– Давай отпилим, – приплясывал от нетерпения брат.

Я принес из отцовской мастерской ножовку по металлу и показал им как пилить.

– Пилите сами, а мне надо делами заниматься, – оставил брата с другом.

Ближе к вечеру, мать ушла на репетицию театрального кружка, а отец, пришедший с работы, ужинал, сидя в одних трусах за столом в прихожей и с противным скрежетом скреб босой пяткой по полу, мурлыча себе под нос песенку:

– Злой шутник, озорник – мочегон...

Раздался звонок от калитки.

– Кого там черт принес? Влад, сходи, посмотри, кто там шатается, – распорядился родитель.

За калиткой стоял старший Рябич с незнакомым мужиком. Сердце мое оледенело и ушло в пятки.

– Влад, привет. Родители дома? – спросил Рябич.

– Батя дома.

– Позови.

Я вернулся в дом.

– Там Рябич с каким-то мужиком. Тебя зовут.

– Вот же не спится людям, – папаша неохотно натянул

спортивное трико, белую рубашу и пиджак. – Пошли, пообщаемся с народом.

– Здравствуйте, люди мира, – тенью отца Гамлета выплыв за калитку и распространяя густой терпкий запах медвежьего вольера, поздоровался он, посмотрев на посетителей, как индюк на дикобразов. – С чем пришли?

– Виктор Владимирович, тут такое дело... – неуверенно проямлил Рябич.

– Какое у тебя дело, Арчибальд? – папаша недавно посмотрел какой-то фильм с героем – Арчибальдом.

– Я Юра.

– Не перебивай старших! В этой деревне я решаю, кто Арчибальд, а кто Юра. Это что за конь в пальто?

– Это брат мой, двоюродный, из Москвы, – сказал Рябич.

– В такие дни, когда гидра контрреволюции с помощью наймитов мирового империализма поднимает головы, вы должны сплотиться! Как там ныне в столице? Бывал у вас, бывал, – папаша ловко подхватил под локоть обалдевшего москвича и потащил к дому. – Сделайте честь, окажите гостеприимство. Прошу, как говорится, к чаю. Юра, ты чай будешь? – обернувшись, поинтересовался он у забытого всеми Рябича.

– Я? Я...

– Ну, нет, так нет. Оно и правильно – чай не водка, много не выпьешь. Так что привело в нашу глушь? – вновь обернулся к столичному жителю.

– Тут такое дело, – неуверенно начал тот.

– Кстати, а как там Микоян? – перебил отец.

– Какой? – совершенно запутался москвич.

– Нехорошо! – пальцем погрозил отец. – Можете не разуваться, – втянул гостя на веранду, в прихожую, усадил за стол. – У нас все по простому, без роскоши.

– Влад, стовошь чаю гостю, – отдал мне команду.

– К сожалению, лимоны кончились, – повернулся вновь к гостю. – Во положение! Как говорится, хуже губернаторского. Приехал гость из златоглавой, а у нас ни лимонов, ни огурцов. Стыдоба!

– Да не стоит беспокоиться!

– Вот раньше хорошо было, когда народы севера были отдельные. Встретишься с ними, поговоришь, с акынами выпьешь...

– С акынами?

– Ну, с шаманами. Какая разница? А Косыгин как-же?

Москвич красноречиво уставился на висящий над входной дверью барометр.

– Ну да, ну да, как-же, – закивал лысой головой отец и медаль «Победителю соцсоревнований 1980» сочувствующе затренькала на пиджаке. – Какие люди, какие матерые человеки!

– Влад, где чай? – вновь посмотрел он в сторону кухни.

– Сейчас чайник закипит и сразу заварю.

– Так вы что хотели? – вновь повернулся он к гостю. – Что

привело в наш скромный сельсовет?

– Ваши дети избили моего сына и отняли у него ружье! – выпалил москвич.

– Как гнусно, Боже мой, как гнусно, – схватился за лысую голову папаша. – В моей деревне и такое! Скажите мне, за что? Но с другой стороны, вы должны понять, что для деревенских жителей вы, москвичи, в диковинку, вот и произошло недоразумение это.

– Ребенка избили! Это недоразумение?

– Вот же, а! Подумать только! В нашей деревне и такие, прошу прощения, как говорится, хунвейбины какие-то! Вы точно меня не разыгрываете?

– Какой розыгрыш? У ребенка синяк под глазом, глаза какой-то дрянью запорошены. Какие могут быть шутки?

– Влад, иди сюда! – позвал отец.

Я вышел из кухни.

– Этот уважаемый человек, гость, приехавший из столицы нашей Родины – города-героя Москвы, утверждает, что вы с Пашкой избили его сына и отняли ружье. Это правда?

– Нет, не брал я никакого ружья и не бил никого, – сказал я истинную правду.

– Странно, вроде как не врет, – отец повернулся к жалобщику. – Вы как считаете, врет или нет?

– Вроде что и нет, – неуверенно согласился тот, пристально глядя на меня. Я не отводил взгляда.

– А был ли мальчик? Точнее, с чего это вдруг ваш сын ша-

тался по моей деревне с ружьем? Ружья детям не игрушка!

– Это игрушечное ружье. Духовое.

– Может быть, это ружье послужит делу окончательной победы над апартеидом. Или вы не желаете послужить благому делу? Когда Родина-мать зовет! Я не слышу ответа!

– Влад, где чай? – вновь повернулся ко мне. – Мы получим сегодня чай или нет?

Я едва не бегом принес из кухни две чашки с чаем.

– Отведайте, дивный грузинский чай. Мне его Шеварднадзе присылает.

– Тот самый Шеварднадзе?

– Конечно.

Они выпили по глотку чая.

– Пряников было бы неплохо, но, увы, это не Париж и не Лондон, и даже не Мадрид, – извиняясь, развел руками отец. – Как говорится, чем богаты, то и варим. Как говорится, раз пошла такая пьянка, режь последних поросят. Поросят резать не будем, а огурцов у нас нет...

– А ружье?

– Понимаю ваше волнение, я же не Ден Сяо Пин. Вы меня вынудили это сказать, так и запишем в протокол! Я проведу расследование и непременно найду виновных!

– Мы завтра уезжаем, и мне хотелось бы...

– Можете быть уверены! Даже не сомневайтесь! Как коммунист коммунисту!.. – подхватил гостя под локоток и, токуя словно тетерев, вывел за калитку. – Непременно! Благодарю

за сигнал! Меры будут приняты, виновные будут наказаны! Профилактикой дальнейших правонарушений займусь лично! Но вы тоже должны понять: руки у деревенских детишек загребушие, глаза завидующие, но вы, столичные жители, должны быть выше этого. Не правда ли?

– Правда, – стыдливо отвел глаза москвич. – Так вы решите вопрос?

– Непременно! Не смею вас задерживать!

Ошалевшие посетители поспешили свалить.

– Где ружье?

– У Пашки, – угрюмо сознался я.

– Принеси, посмотрю, – возвращаясь в дом, приказал он.

Я нашел Пашку и Моргуnenка в саду, упоенно играющимися с обрезом.

– Батя все знает, сказал, принести ружье.

– Я домой пойду, – засобирался Моргуnenок. – До завтра.

Мы принесли отцу трофей.

– Ты почто московского боярина обидел и ружжо отнял? – грозными лохматыми гусеницами встопорщил брови отец. – Давай его сюда.

– Я не отнимал, оно лежало, – Пашка пугливо протянул обрез.

– Лежало? Хм... А чего брал ежели лежало?

– Ты же сам говоришь, что если не своруешь, то где возьмешь? Вот я и своровал...

– Не, ну в целом, оно, вроде и верно. Лежит – чего

не взять? А бил кто?

– Моргуnenок, – легко сдал друга Пашка.

– Шурик? Ну, он из трудной семьи, ему простительно...

– Каналья, – поддакнул Пашка.

– Ты это, того, аккуратнее с выражениями, а то мамка тебе за такие слова глаз на ногу натянет.

– А еще Влад велосипед хотел украсть! – продолжал ябедничать брат.

– Вы, тасманийские сумчатые волки, прямо как разбойники. Робин Гуды из коровника, – восхищенно хлопнул себя по коленям папаша. Из трико миниатюрными ядерными грибами поднялись два облачка пыли. – Так с этими задаваками московскими и надо!

– Он у Лобаненка, – поощренный брат стучал как Павлик Морозов.

– У Лобаненка нехорошо брать, – укорил отец. – Умные люди у соседей не воруют, а если воруют, то так, чтобы никто не видел. Поняли, пионеры?

– А я не пионер, – пискнул Пашка.

– Значит, дурак. Я бы тебя с собой в разведку не взял. Влад вон тоже не пионер, но молчит, не признается. Бери пример с брата, а то так и батьку когда-нибудь выдашь. Все-го-то? – вертел в руках укороченное ружье. – Индюка, допустим, можно из этой ерунды оглушить?

– Мы тут иголку вставили, – начал объяснять брат. – Думаю, что оглушим индюка.

– Полезная штука. Гусь в сметане весьма хорош, – задумался отец. – Пилили зачем?

– Там ствол поломался... – сознался я.

– Отпиленный конец где?

– В саду валяется, – подал голос Пашка.

– Не умеете скрывать следы преступления! Учю вас, учю!

Короче, Влад, завтра отнесешь отпиленный кусок московским пижонам. Скажешь, что я веду поиски преступников, и виновные вскоре будут изобличены и наказаны. Понял?

– Да.

– Ну и ладненько. Принеси мне водки из бара – надо бы отметить, как мы ловко обставили москвичей. Во как ваш батька москвича отшил, – горделиво, будто павлин, оглядел нас. – Умище то под лысиной не скроешь!

Я принес бутылку, отец налил себе стакан, сделал бутерброд с салом.

– Только ленинградцев не обижайте. Они и так с блокадой намучились, а тут еще вы, – одним махом проглотив водку, пристально посмотрел на меня. – Тоже мне, велогонщик рыжий. Хватит деревне и одного почтальона Печкина. Чтобы больше никаких велосипедов! Понял?

– Да, понял.

– Смотри мне, а то самому ноги колесом загну! Будешь Пашку с Моргуnenком на себе возить! Понял?

– Да.

– А вообще вы молодцы. Правильное дело сделали – вос-

становили социальную справедливость под лозунгом: «Грабь награбленное!».

– Экспроприация экспроприированного, – поддакнул я почерпнутым из отцовских агитаторских книжек.

– Точно. Молодец. Так и есть. А то ишь ты, шашлык они мне не прожарили, – на дне мутного омута его глаз метнулись тени воспоминаний. – Я им от чистого сердца спички для мангала, а они со мной так...

– Кто? – заинтересовался Пашка.

– Молод еще такие вопросы отцу задавать! – оборвал папаша. – Ишь ты, дитя природы нашелся! Игрушку эту заныкайте понадежнее, пока эти цацы не уедут. И мамке не показывайте – убьет сторяча. Я в вашем возрасте всегда был не прочь стянуть у доверчивого соседа то, что плохо лежало. Другие дети еще в кулички играли, а я уже тянул все, что плохо лежало, стремился семье помочь. Когда слегка подрос, то брал и то, что лежало хорошо. Но! – воздел указательный палец, – делал это с умом и немалой ловкостью, что не позволило ни разу, подчеркиваю, ни разу, не только поймать, но даже заподозрить меня. Учитесь, трилобиты, пока я жив!

Назавтра, как и было поручено, я отнес москвичам отпиленный кусок ствола.

– Отец велел передать, что ведет преследование преступников, и виновные будут наказаны! – без запинки отчеканил я.

– Скажи, мальчик, – осторожно поинтересовался моск-

вич, – а твой отец всегда такой?

– Да, а что?

– Нет, ничего. Бедные дети, – вздохнул и протянул ладонь для рукопожатия. – Держитесь тут. Да хранит вас Бог.

– Бога нет! Так отец говорит.

Он молча посмотрел на меня, развернулся, и ушел в дом.

Сморчки

Рассказ участвовал в конкурсе «Черная метка 2018» сайта «Квазар»

Теплым субботним апрельским утром мать готовила котлеты. Мой младший брат Пашка сидел за столом и пристально смотрел за приготовлением котлет, чтобы мамаша не добавила яда. В такие минуты он чрезвычайно напоминал аутиста. С другой стороны стола сидел большой рыжий кот и так же неотрывно следил за Пашкой. Мать следила за сыном и котом, чтобы не стянули фарш. Кухня была просто пропитана атмосферой всеобщей подозрительности, которую подчеркивал висящий на двери плакат с Плачидо Доминго.

– А яйцо зачем?

– Как зачем? Яйцо всегда добавляется для связки, чтобы котлеты не разваливались.

– Правда? – подозрительно спросил Пашка.

– Батюшки святы, – всплеснула испачканными фаршем руками мать. – И правду люди говорят, что ты у нас странный какой-то.

Кот согласно мяукнул.

В дом вошел довольный отец с белым мешком из-под литров в руках.

– Хау, бледнолицые! – он недавно посмотрел фильм про индейцев и еще не отошел от впечатлений. – Я грибов принес.

– Апрель на дворе, еще листьев даже нет. Чего ты по лесу чкаешься? Еще приволокешь домой клещей каких!

– Клещи еще спят, как сурки.

– Вот, даже клещи спят, один ты, как дурак, по лесу шаркаешься.

– Валь, тебе все не так. У телевизора лежу – плохо, по лесу хожу – еще хуже.

– Вить, нормальные мужики по хозяйству хлопочут, а тебе то телевизор, то лес.

– Сама все время «Санта-Барбару» смотришь. Радовалась бы, что муж такой хозяйственный, а то все скрипишь, как журавель старый. Другие последнюю рубашку пропивают, а я грибов принес!

– Какие грибы?

– Вот какие, – переставив на котел отопления миску с фаршем, папаша широким жестом вытрусил на освободившийся стол содержимое мешка. – Вот сморчки, а вот строчки. Или наоборот, вот строчки, а вот сморчки, но это неважно. Сварим, пожарим с лучком и схарчим на обед.

– Вить, строчки ядовитые. Или сморчки? – засомневалась мать. – Одни какие-то точно ядовитые. И вообще, какие-то они подозрительные – вон те на мозги похожи.

Все, включая кота, уставились на грибы.

– А какие из них ядовитые? – не выдержал Пашка. – И какие из них на мозги похожи?

– На твои мозги похожи и сморчки и строчки, – обрадовал папаша. – У тебя вполне и треугольными мозги могут быть...

– Вить, отравимся, – упорствовала мать.

– Давай так: сварим отдельно, в разных кастрюлях и кто-нибудь попробует, а мы посмотрим, и если все нормально будет, то сами поедем.

– Я не буду эти грибы есть, – открестился Пашка.

Отец посмотрел на кота. Кот протестующе мяукнул и попытался в прихожую.

– Может, собаке дадим? – предложила мать.

– Нет, собаку жалко... СтаршОму дадим попробовать, – мутные капли пота лягушачьими глазами выступили на лысине отца.

– Вить, ты думай, что говоришь! А если помрет? Нам с тобой за какие шиши его хоронить?

– Незадача... – отец снова посмотрел на кота.

Кот с гордым видом ушел из кухни. Пашка, от греха подальше, отправился следом.

– Ладно, ты вари, а я придумаю, кому дать попробовать, – решил отец, посмотрев в глаза Плачидо. – Только не перепутай, какие грибы в какой кастрюле варились.

– Паш, а друг твой сегодня не придет? – спросил, догнав сына.

– Моргуненок?

– Нет, Чингачук!

– Какой Чингачук? – испугавшись, Пашка привычно переврал незнакомое слово. – Я Чинчугака не знаю!

– Вот баран! Моргуенок придет сегодня?

– Должен...

– Отлично. Как придет, дашь мне знать.

Отец вернулся на кухню и начал наблюдать за матерью, варящей грибы и жарящей котлеты.

– Сейчас бы поросенка под хреном затрепать, – мечтательно сказал он.

– Вить, только о хрене и думаешь! Уйди, не мешай готовить!

– Курица в сметане тоже неплохо. Этими самыми грибами ее обложить...

– Вить, отойди, Христом Богом молю, не стой над душой! Я за себя не ручаюсь и тебя самого обложу!

– Нервная ты какая-то, неприветливая. Ладно, готовь, пойду покурить схожу.

Отец вышел на крыльцо и увидел меня.

– Я грибов принес.

– Спер? – зная вороватую натуру папаши, прямо поинтересовался я.

– Да нет, шел по лесу, смотрю – грибы. Набрал в мешок и привез.

– А что ты в лесу делал?

– В лесу? – закурил сигарету, огляделся по сторонам, и,

понизив голос, признался. – Думал, может, кто банки повесил – сок собирать березовый...

– Тебе нашего сока мало? Уже лить некуда. Все фляги заполнены.

– Сок соком, а банки в хозяйстве всегда пригодятся. Ладно, обед скоро.

Папаша вернулся в дом.

– Валь, давай Моргуненку дадим?

– Моргуненку? – задумалась мать, не любившая Пашкиного друга, подозревая его в различных каверзах. – Что о нас люди подумают, если он сдохнет?

– Подумают, что нам повезло, а ему нет. Грибы ели все, а лапы надул только он. А может и не от грибов это вовсе...

– Думаешь?

– Вот увидишь. Но скорее всего, ничего не случится – грибы-то съедобные

– Витя, не трепи мне нервы!

– Ладно, ты вари побыстрее, а я пойду у телевизора поваляюсь пока.

Мать сготовила обед, а вскоре Пашка привел Шурика Моргуненка.

– Все за стол, – неестественно оживленно позвала мать, – и ты, Саша, с нами поешь.

– Спасибо, – степенно отозвался Моргуненок, усаживаясь на табурет.

На обед были поданы котлеты и два блюда сильно уварив-

шихся грибов, обжаренных с луком, как хотел отец. Все вяло жевали котлеты и следили за Моргуnenком, с аппетитом их поглощавшим. Грибы стояли и ждали. Я, было, протянул к ним руку, но наткнувшись на свирепый взгляд матери, кивнувшей на гостя, передумал.

– Голубцы со сметаной тоже прелесть, – будто удав глядя на Моргуnenка, сказал отец. – А то еще бывают в виноградных листья завернутые голубцы.

Все замолчали, представляя себе такое чудо, только гость продолжал молотить котлеты.

– А лист не жестким получается? – провожая взглядом очередную котлету, спросила мать.

– Да нет, нормально... – папаша тоже не мог оторваться взглядом от котлеты, – под небольшую рюмашечку...

– Вить, только о рюмашке и думаешь!

– Валь, маленькую хотя-бы. День-то какой чудесный...

– Ладно, мучитель, налей себе.

– СтаршОй, принеси из бара, – распорядился папаша и продолжил, потирая руки, словно мясная муха на свежем трупe лошади, сдохшей на переправе. – А еще бывают голубцы с грибами...

Я принес из бара бутылку 20% алжирского «Солнцедара» из запасов прижимистого отца. Он, косясь на мать, налил стакан и быстро выпил.

– А батя говорил, что с грибами пельмени бывают, – отозвался Шурик и наконец-то зачерпнул ложкой грибы, – в Си-

бири.

Все уставились на него, выискивая на его лице признаки отравления и скорой смерти.

– Недосолены, – выдал он.

– А ты другие попробуй, – фальшивым голосом сказал отец. – Те вроде больше солили.

– Спасибо, я уже наелся, – Моргуnenок кусочком хлеба вытер тарелку, съел его и встал из-за стола. – Очень вкусные котлеты были, тетя Валя, еще раз спасибо.

– Спасибо, – встал вслед Пашка, стремясь убраться подалее от зловещих грибов.

Они вышли из дома. Родители смотрели друг на друга.

– Кенгуру ему в толчонку! Не съел! – высказался отец. – Не все скоту Масленица!

– И что дальше? – спросила мать.

– СтаршОй, а ты чего грибы не кушаешь? – фальшиво улыбнулся мне отец и вновь налил себе в стакан «чернил». – Вкусные грибы, попробуй.

– Да нет, спасибо, – заподозрив неладное, отказался я. – Я уже котлет наелся.

Встал из-за стола и тоже свалил из дома. На улице встретил этих малолетних негодников и брат поведал мне, что отец хотел на ком-нибудь испытать подозрительные грибы. Разозленный отец сожрал грибы сам, и остался в живых. С тех пор сморчки и строчки мы ели безбоязненно.

Бойлер

– Валь, надо курей завести, – однажды сказал отец, пожирающий за завтраком яичницу на сале. – А то все бабки Дунины едим, пора бы и свои.

Бабушка Дуня была его матерью. Памятуя жоркую натуру сына, яйца нам передавала целыми лукошками.

– Вить, с курами возни много, – мать задумчиво созерцала свой стакан, наполненный каким-то травяным отваром, до которых была большой охотницей. – Кормить их надо, насесты там всякие, наседки, гнезда...

– Куры это не утки, дело не хитрое. Насест дети сделают, не все же им за моей спиной прятаться. Зерна я могу сколько угодно привезти, – взмахнул зажатой в кулаке вилкой. – Будут пастись в саду, травку щипать, козьяков ловить, да нестись. Потом наседки появятся, разведем птичий двор, – мечтательно причмокнул испачканными жиром губами, – будем продавать.

– Не так это просто, – мать не скрывала скепсиса, – курей держать это не свиней. Свинья все жрет, а кура птица деликатная, она всякую дрянь жевать не станет.

– А они жуют? – подал голос Пашка.

Он был человеком кургузеньким и запуганным, но при этом весьма себе на уме и хитёр как сорок тысяч енотов. А еще, как матерая сорока, был падок на чужие вещи.

– Конечно, жуют, – прочавкал отец, – в нашей жизни все жуют. Валь, ты не права, – воздел вилку с куском сала к потолку. – Я агроном, а агрономия это царица наук. Уж с куроводством-то справлюсь. СтаршОй, – перевел на меня взгляд, – смотреть в рот человеку, который кушает, некультурно.

– Вить, он надеется, что ты не всю яичню умнешь, – объяснила мать, – и что-то ему перепадет.

– Молод еще яичницу жевать, – отец тщательно вытер сковороду куском хлеба, собирая уцелевший жир. – Вот разведем курей, тогда будет ему хоть яичница, хоть цельный олет.

– А мне? – спросил Пашка, замороженно слушающий эту речь.

– Что тебе? – не понял отец.

– Мне олет будет? – Пашка перекроил лицо бессмысленно-мечтательной улыбкой.

Брат постоянно путал незнакомые слова.

– Будет, если будешь себя хорошо вести и слушаться старших, – отец встал из-за стола, – то непременно будет. Полакомишься вдоволь, сынок. СтаршОй, подбери к вечеру материалы, я приду и объясню, как насест делать.

– Какие материалы? – уточнил я, а брат достал потрепанный красный ежедневник за 1986 год и приготовился записывать.

– Гвозди в сарай принеси, молоток, – отец задумался,

напяливая на лысеющую голову коричневую шляпу, – пилу еще...

– Топор, – подсказала мать.

– Топор, – отец согласно кивнул, – ... пилу...

– Пила уже была, – сказал Пашка.

– Не сбивай, – как от назойливой мухи отмахнулся отец, – это другая пила, по металлу. Деревяшек всяких...

– Жерди круглые надо, – внесла свою лепту мать, – чтобы курица могла лапой написать, тьфу ты, совсем одурела с вами, охватить.

– А какой у нее охват? – спросил я.

– Какой? – мать задумалась и стала сгибать ладонь, что-то прикидывая. – Где-то вот так, – показала скрюченную ладонь.

– Валь, что ты несешь? – остановился на пороге отец. – На глаз прикидываешь, тоже мне, умная Эльза выискалась. Надо диаметр в два с половиной сантиметра.

– Это сколько? – спросила мать.

– Вот столько, – показал свой толстый указательный палец, – и еще чуток потолще.

– Так нормально? – засомневалась мать.

– Я же не из головы это взял, – солидно ответил папаша, – это справочные данные, обобщенные с учетом мирового опыта.

– Мирового опыта? – подозрительно сморщилась мать.

– А-то, – как укушенная оводом лошадь закивал головой

отец, – про суринамских мусорных кур слыхала?

– Нет...

– А они есть! – торжествующе закончил отец и вновь вспомнил про меня. – Брусков притащи, досок ну и там по мелочи всего, – он сделал движение рукой, будто плыл шустрый головастик.

– Где бруски и доски взять?

– Ты что, debil? – удивился отец. – Я тебя чему учу?

– Не своруешь, где возьмешь?

– Верно, вот и молодец. И смотрите, не попадитесь, а то позору из-за вас не оберешься потом, – вышел за дверь.

– Не гордыбачьте с отцом, – вставая, сказала мать, – ишь ты, выискались умники, – привычно отвесила Пашке мощный подзатыльник. Отвесила бы и мне, но поленилась обходить стол. – Какие сказал, такие жерди и тащите. Ладно, мне на работу пора собираться, – прошла в спальню.

Мы хмуρο доели хлеб, Пашка попытался вылизать сковороду, но безуспешно.

– Нет ничего, – обиженно сказал он.

– После бати там ничего и не могло остаться, – я, как мог, утешил брата. – Если хочешь, то можешь из скорлупы яичной выпить, там немного могло остаться.

– А где эта кожара? – оживился брат, воровато оглянувшись на спальню – не подслушивает ли мать.

– Не кожара, а скорлупа. На кухне, возле плиты.

– Я сейчас, – брат ловко, как хорек, соскользнул с табурета

и просочился на кухню.

Из спальни вышла переодетая мать.

– Смотрите, не попадитесь, – погрозила кулаком. – Пашка где?

– На кухню пошел.

– Зачем? – подозрительно, как старая кобра, уставилась на меня.

– За чайником.

– Ну ладно, до вечера, – напевая попури из модных песен, выпорхнула из дома.

Из кухни с опаской вышел Пашка, жующий скорлупу.

– Ушла?

– Ушла. Доедай и тоже пойдем. Будем материалы добывать.

– У кого? – Пашка уселся и начал шумно прихлебывать остывший чай.

– Я вот подумал, можно прямо со склада взять. Там через лес недалеко.

– Поймают, – брат тревожно блеснул стеклами очков.

Склад стройматериалов располагался под открытым небом между конторским садом и лесопосадкой. От посадки его отделял хлипкий забор из порванной во многих местах металлической сетки. Мы прошлись по саду до болотца, свернули в посадку, пригнувшись перебежали дорогу, нырнули в другую посадку. Затаились, наблюдая за обстановкой.

– Поймают, – как надоедливый комар, нудел Пашка, часто

лупая увеличенными стеклами очков глазами, – побьют.

– Чего нас побьют? – я примерился к прорехе в сетке.

– Поймают и побьют, – упрямо тянул свое брат.

– Не нуди.

Обидевшись, Пашка сорвал листья с молодой ракиты и начал молча их жевать. Я терпеливо наблюдал за складом. Все было тихо и спокойно, люди были на работе.

– Я пролезу, – окончательно решившись, сказал я, – и буду тебе передавать в дыру, а ты тут складывай. Там, если что, за бурьяном не видно.

– А если увидят?

– Если свистну, то убегай. Понял?

– Понял, – Пашка проглотил пережеванные листья и поправил картуз, который его заставляла носить мать. – А куда бежать?

– Домой беги. Куда же еще?

– Мало ли...

Я пропихнулся в прореху и начал бродить меж стопок дощатых щитов, оставшихся от несобранных домов, прикидывая, где в этом царстве деревянных прямых могут быть круглые жерди. Обойдя склад, из подходящего приметил лишь кучу тесинок и штабель брусков. Начал таскать бруски к дыре и передавать.

– Не хватит еще? – тревожно спросил Пашка минут через двадцать.

– Ну... – я почесал затылок, – может и хватит. Сейчас еще

чуток и все, – приступил к тесинкам.

– Мы столько не унесем, – вскоре снова подал голос брат.

– Ладно, хватит, – я дошел до широкого проема, через который на склад заезжали, вышел, обошел угол и по посадке дошел до брата.

– Сначала перенесем через дорогу, а потом оттащим домой, – посмотрев на материал, решил я.

Шустро, как крысы, за несколько раз перетасили краденое через пыльную дорогу.

– Сходи за тачкой. На тачке быстрее отвезем. За пару раз обернемся.

– Я боюсь идти один, – замялся Пашка, – вдруг кто-нибудь нападает?

– Тогда стой тут, карауль, а я схожу.

– Тут меня могут поймать и побить, – скорчил обиженную гримасу. – Мамка говорила, чтобы ты меня не бросал.

– Тогда ты иди за тачкой. Мне отсюда тебя видно, и если кто-нибудь нападет, то...

– Хорошо, – поминутно оглядываясь, Пашка нервной рысью потрусил к дому.

Вернулся с тачкой, которую полгода назад где-то стянул отец. Погрузились и стали ее толкать. Тяжело, но шла.

– Мы как курлаки на Волге, – пропыхтел Пашка.

– Во-первых, бурлаки, а не курлаки, а во-вторых, там они тянули, а мы толкаем.

– Давай тянуть.

– Лямки нужны.

Притащились домой, сволокли добычу в сарай, вернулись за второй порцией, привезли и ее.

– Где жерди будем брать? – задумчиво рассматривая добытое, спросил я. – Есть мысли?

– У той бабки, что по Садковской улице живет, забор из таких круглых, можно взять.

– У Максиманихи?

– У вредной этой, – закивал брат.

– Точно, можно со стороны леса подобраться и вырвать из забора, – «загорелся» я. – Пошли, только надо веревки взять.

За веревками не надо было далеко ходить. В кладовке на веранде стояло две катушки белых капроновых ниток, украденных с работы отцом. Отхватив пару кусков веревки, мы отправились в путь. Сначала через сад, потом через перекресток, нырнули в продолжающуюся посадку. Поравнявшись с карьером, свернули влево. Вышли из перелеска и не спеша потащились по полю вдоль околицы. Вот и плоховатый забор. Собаки бабка на свою беду не держала. Я начал вырывать из живописного плетня подходящие по размеру круглые палочки, а Пашка прихватил две треснувшие глиняные кринки, висевшие на столбах.

– Зачем они тебе?

– В хозяйстве всегда пригодится, – выдал брат усвоенную от отца мудрость. – Не своруешь – где возьмешь?

– Пора валить, – я шустро связал жердочки в вязанку, закинул на спину и поспешил к посадке.

Пашка с крынками пыхтел следом, напоминая Пятачка, несущего за Винни-Пухом медовый запас. На перекрестке нелегкая вынесла навстречу деда Бутуя и его собачонку Каштанку.

– Знать, хворост собирали, хлопцы? – дед широко расставил ноги в побитых жизнью валенках, прочно утвердившись на нашем пути, и пыхнул духовитой самокруткой. – Аль по грибы ходили? – хитро прищурился.

– По грибы, – мелко-мелко, как китайский рикша, закивал головой Пашка.

– С горшками? – разглядел груз дед.

– А что тут такого? – спросил я. – Мы же не с чемоданом ходили, в конце концов.

– Есть грибы? – подумав, пожевал губами дед.

– Есть.

– Какие?

– Какие? – теперь задумался я, что соврать настырному старикану. – Всякие...

– Сырогрызки!!! – отчаянно выкрикнул решивший прийти мне на помощь Пашка.

– Чего это он? – попятился Бутуй, едва не наступив на Каштанку.

Каштанка злобно зарычала, но предпочла убраться из-под ног.

– Сыроежки, в общем, – перевел я. – Он слова у нас пу-
тает.

– Ну, тады ладно, – Бутуй аккуратно засунул окуроч в кар-
ман потрепанного пиджака и потянулся. – Тады оно того,
свойственно. От же ж йоксель-моксельники, – крикнул.

– Мы пойдем? – спросил я.

– Идите, – шустрый старикан прикурил следующую само-
крутку, – коли от старших ума набраться не интересно, то
ступайте.

– Нам интересно, – дипломатично сказал я, – просто дел
дома много, а то бы послушали.

– Не смею задерживать, – дед изобразил щелчок каб-
луками, что в валенках смотрелось угнетающе, и, напевая
«На сопках Манчжурии», пошел по своим делам.

Каштанка угрожающе посмотрела на Пашку и, выпятив
челюсть, гордо прошествовала мимо. Мы кинулись в сад,
чтобы еще кого-нибудь не вынесла нелегкая.

– Заподозрил он нас, – скулил Пашка, – всем расскажет.

– Кому он расскажет?

– Всем!

– Про что?

– Про все!

– Не выдумывай ты, – дошли до дома. – Ничего он не по-
нял, подумал, что ты дурачок.

– А-а-а, тогда ладно, – успокоился и водрузил трофей-
ные горшки на подставку для обуви, стоявшую на крыльце. –

Папке покажу.

Я отнес жерди в сарай.

Вечером папаша явился с работы слегка подвыпивши.

– Как дела, архаровцы?

– Я горшки добыл, – похвалился Пашка.

– Ночные? Из детского сада?

– Нет, с забора.

– Покажи.

Пашка приволок трофеи и гордо продемонстрировал.

– Мародерствуешь, – отец досадливо закурил «Приму», – и тащишь домой дрянь всякую. Горшки треснутые, ни на что путное не годны.

– Мы гнезда в них сделаем, – скромно потупился Пашка, – для куриц...

– Гнезда? – отец ожесточенно, будто коросту, почесал лысину, а потом постучал пальцем по горшку. – Из этого? – постучал пальцем Пашке по лбу. – А ты не такой дурак, как маменька твоя, весь в меня. Ты чем порадуешь? – пожелтевший от никотина палец уткнулся в меня.

– Мы брусков принесли, жердей, тесин.

– Где взяли?

– Со склада, что возле сада.

– Молодцы, догадались, так держать! Никто вас не видел?

– Нет, – переглянувшись, в один голос сказали мы.

– Хвалю, – встал со стула, – айда в сарай, будем строить куриное царство.

Он бодро ломанулся на выход, мы, как журавлиный клин на юг, потянулись следом.

– Табуретку возьмите, – оглянувшись, велел отец.

В сарае он уселся на табуретку и начал руководить.

– Вон ту доску прибейте к стене. Нет, ниже, нет, выше, ровнее, еще ровнее, вот так. Колотите ее.

Пашка помогал, придерживая, я приколачивал.

– Вроде неплохо, – отец критически осмотрел нашу работу. – Для таких криворуких как вы, вполне прилично, – достал из внутреннего кармана «четверку», глотнул, закрутил, спрятал обратно.

– Теперь вон ту доску, нет, не ту, да, ту, вон на ту стену.

– Она же кирпичная, – сказал я.

– И что?

– Как к кирпичу прибивать? – спросил я.

– У неумехи руки не болят. В раствор бей. Всему учить надо, – сокрушенно вздохнул отец, – ничего сами не могут сделать.

С грехом пополам, погнув три гвоздя, прибили доску.

– Куроводство наука точная, – папаша изволил подняться и померить рулеткой. – Криво, но да ладно. Тут по бруску, потом отпили тут, – указующий палец порхал, как безумная бабочка, – потом вот так, как ножки.

Он снова рухнул на табурет, мы стали выполнять.

– Куры могут даже глистов жрать, – разглагольствовал отец. – Да, глисты вам не клесты, вот. Теперь жерди коло-

тите. Не так. Поперек засаживайте. Левее! Ниже! Прибывай, – снова хлебнул водки. – У меня глаз-алмаз, я малейшую неровность вижу. Учитесь, пока я жив.

– Где эти падлы? – раздался от входа голос матери.

Пашка затравленно оглянулся и пугливо вжался в угол.

– Сейчас поубиваю! – подошла и заглянула в закуток. –

Вы что творите, уроды?

– А что мы? – угрюмо спросил я, понимая, что отсюда не сбежишь.

– Вы какого рожна по грибы таскались?! – кипятилась мать. – Вам кто разрешил в лес ходить?

– Не ходили мы по грибы...

– Еще и врешь, скотина! – мать схватила молоток и двинулась ко мне. – Матери, которая тебя обстирывает и кормит, врешь???

– Да не ходили мы! – закричал я. – Это специально Бутую сказали!

– Вас Бутуй на складе видел? – встревожился отец.

– Нет, не на складе, а на перекрестке, что напротив Пищуков.

– Чего вас туда черт понес? – не поняла мать.

– Жерди добывали.

– Откуда там жерди?

– У Максиманихи из плетня вытащили, – сжавшись в ожидании побоев, признался я.

– Так этой склочне и надо, – сказала мать, опустив моло-

ток. – Будет знать, как трепаться, а то язык, что твое помело.

– Мне вы сказали, что вас никто не видел, – воспользовался паузой отец. – Обмануть батьку родного пытались? За что? – жалобно всхлипнул. – За что?

– Уже набрался, – брезгливо посмотрела на него мать. – Курятники нам делать некогда, нам рюмка важнее.

– Ты, Валь, прямо как крепколюбая! Ничем тебя не прошибешь! Умолкни, женщина! Ты совсем без царя в голове. Я делаю самую трудную часть работы – разумно руковожу процессом. Гвозди забивать любой дебил, вроде нашего Владика, может, а руководить это не просто молотком махать. Тут нужен талант, опыт, образование и особые знания, – покачнулся.

– Много ты в таком состоянии наруководишь? Иди лучше спать, жертва зеленого змия, – потянула его за рукав, но не тут то было.

– Уйди, женщина! – вырвал рукав. – Директор, как капитан корабля, покидает свой пост последним! Сама иди! У нас тут дело. Врагу не сдастся наш гордый «Варяг», – заголосил.

Корова тревожно замычала, услышав пение.

– И черт с вами! – мать развернулась и пошла прочь. – Но если насест не сделаете, падлы купоросные, то домой лучше не заявляйтесь! Потравлю! Раскособочу!

До двух часов ночи делали насест под тусклым светом лампочки.

– Что мне снег, что мне зной, что мне дождик пролив-

ной, – вполголоса напевал отец, – когда тревожит геморрой, ля-ля-ля-ля-ля, ля-ля-ля-ля, ля-ля-ля-ля. Отличная штука, – наконец зевнул. – Паш, поболтайся на нем, проверим.

– Боюсь.

– Влад, тогда пробуй ты.

Я ухватился за доски, поджал ноги... С грохотом приземлился на пол.

– Надо доски толще делать, – посмотрел на развалины отец. – Завтра так и сделаем, а теперь пора спать.

– А мамка? – спросил Пашка.

– Что мамка? Сиську потерял?

– Она же сказала, что не пустит домой.

– Она спит давно, – отец устремился из сарая. – Если проснется, скажем, что сделали. Мозги у нее куриные, ночью все равно проверять не пойдет.

– Пап, тебя правда зеленая змея укусила? – потянулся за отцом Пашка.

– Знаешь, есть люди, которые страдают запором, но есть и другие.

– Какие?

– Которые запором наслаждаются, хи-хи-хи. Влад, табу-рет не забудь.

На утро мать первым делом ломанулась в сарай. Прибежала обратно взбешенная.

– Вы что там настроили, бездари???

– А что случилось? – безмятежно спросил отец, намазы-

вая на толстый кусок вареной колбасы смесь сметаны, горчицы и хрена.

– Что вы сделали??? – мать задохнулась от негодования. – Какая-то лепиздряйка, а не насест.

– Насест сделали, – отец со вкусом вгрызся в свой «гамбургер», – согласно мировым стандартам. Ты, Валентина, не видишь дальше своей тарелки, – стремительно очищая сковороду, степенно рассуждал.

– Чего это я не вижу? – начала лихорадочно метаться по прихожей. – Ась? – приложила ладонь к уху, будто прислушиваясь.

– Конструкция собрана, осталось утвердить ее на опоры.

– На какие такие опоры? Эта груда хлама по-твоему на что-то годна?

– По-моему, да, – отец вымокал сковороду недоеденным кусочком хлеба и протянул его Пашке. – На, полуночник, ешь, заслужил.

Пашка жадно проглотил пропитанный жиром кусок.

– Размеры продуманы, – продолжал отец, – все просчитано.

– Я тебе не скотница какая-то, чтобы в этом разбираться! – вспыхнула мать. – Только ваша конструкция может рухнуть с опасностью для жизни.

– Исключено, – авторитетно заявил отец.

– Хорошо, – взяв себя в руки, плюхнулась на стул, – если все действительно так, то когда кур привезем?

– Кур? – отец встал из-за стола и рассеяно почесал лысину. – А вот в субботу и привезем.

– Почему в субботу? – подозрительно прищурилась мать.

– В субботу евреи не работают, – отец подхватил висящую на рогах шляпу и направился на выход.

– Евреи тут при чем? – не поняла мать.

– При том, – палец отца значительно указал на потолок. –

При том, – понизив голос, повторил он и скрылся за дверью.

Мать вопросительно посмотрела на нас.

– Нам можно не работать в субботу? – осторожно спросил Пашка.

– Ты и без суббот не шибко обработался, – одернула мать. – Вас это не касается, это для нормальных. После завтрака идите свой насест утверждайте. К вечеру чтобы стоял как камень, – встала со стула и пошла собираться на работу. – И посуду не забудьте помыть, – обернулась на пороге спальни. – А то привыкли за мамкиной спиной прятаться.

Она ушла на работу, мы стали греть в большой кастрюле воду для мытья посуды.

– Как нам сделать этот подсест? – волновался Пашка. – Она нас убьет!

– Бруски по бокам вместо досок заколотим, – решил я, – они лучше держаться будут.

Бруски помощнее привычно добыли на складе. Весь день колотили, пугая свиней, подозрительно следящих за нами сквозь щели в деревянной стене.

– Я так оглохну скоро, – пожаловался Пашка.

– Если не сделаем, то оглохнуть не успеешь, – разгибая уставшую поясницу, успокоил я, – мать раньше придушит. Потерпи, сделаем и отдохнем тогда.

– У них же еще и мясо вкусное? – осторожно спросил Пашка.

– Ну... да, – сам я куриное мясо видел только в больничных бульонах, – вроде свинины, только светлее.

– Жирное?

– Ну... – все мои знания о курах исчерпывались электронной игрой «Ну, погоди», отнятой братом у нашей двоюродной сестры Маринки¹.

Утром в субботу отец поехал в райцентр за курами.

– Где он пропадает? – волновалась мать, хлеща чай из стакана. – У меня уже прямо мозги врозь от волнений.

– Чего ты волнуешься? – спросил Пашка.

– Потому, что у меня интуиция...

Отец вернулся после четырех часов дня.

– Здравсте вам в шляпу! – в дверях показался отец с мешком за спиной.

– Приехал! – возликовал Пашка. – Папка приехал!

– За мной! – тоном зовущего на штурм крепостной стены заорал папаша и пошел в сарай.

Мы, оживившись, бросились следом.

¹ См. рассказ «Ну, погоди!»

– Вот тебе и юбилей! – пришлепнул каблуками штиблетов отец и, опрокинув дерюжный мешок, выпустил под тусклый свет лампочки четырех понурых куриц. – Вот наши красавицы!

– Это что? – мать брезгливо ткнула пальцем в птичье прибавление. – Ты их с колбасного завода выкупил или на помойке подобрал?

– Отличные куры, – фальшиво улыбнулся отец. – Брюнгильдская порода, дипломированные.

– Витя, ты где их взял? – подозрительно уставилась на него мать.

– Купил! – гордо выпятил грудь отец, – там еще петух... – пнул мешок. – Вылезай, пернатый.

Из мешка выбрался помятый ощипанный птиц, напоминающий «блудного попугая» и затравленно огляделся по сторонам. Заметив отца и безошибочно признав в нем главного, мелкими шажками подобрался к нему и замер у ног, склонив голову набок и свесив крылья, похожие на пыльный потертый половик.

– М-да, – мать осмотрела приобретение. – Обогатились...

– А что такого? Что такого? – петушился отец. – Могла сама поехать и купить.

– Ты же специалист!

– Я агроном, а не куровод! – задрал нос отец.

Петух повторил его движение.

– Ничего нельзя доверить!

– Да ну тебя! – отец достал сигарету и досадливо закурил. – Нормальные куры и совсем недорого. Петух так вообще красАвец.

– Ты посмотри на них! Их же надо подсаживать на насест!

– Это у них акклиматизация. Придут в себя и взлетят.

Глянь, какие у петуха глаза умные.

Словно подтверждая, петух вдруг звонко закукарекал.

Пашка в страхе шарахнулся, ударившись спиной о стенку свинарника.

– Чего это он? – испуганно спросил брат.

– Он так время отмеряет, – солидно объяснил отец.

– И сколько времени?

– Без трех минут пять, – посмотрел на часы. – Спешит немного.

– Может его подвести можно? – спросил Пашка.

– Я тебе не Лысенко, кур воспитывать!

– Два дебила, – прокомментировала мать. – Что сын, что отец, два сапога пара. У обоих мозги набекрень.

– Да ну тебя! – отец в сердцах швырнул незатушенный окурок в угол и пошел домой.

– Затуши, – велела мне мать, – это источник пожара.

Я поднял сигаретный трупик, затушил последнюю искру жизни о шершавый кирпич стены и выбросил в приоткрытое оконце на навоз. Мать подняла ближайшую курицу и усадила на насест. Та крепко вцепилась в перекладину, со страхом глядя на нас.

– Висит, – прокомментировал Пашка и подошел поближе, чтобы лучше видеть.

– Еще бы, – подтвердила мать и посадила на насест вторую курицу. – Ваш батя из-за своей лени даже в носу поковыряться не может. Без меня бы давно загнулся. А за мной как за каменной стеной, – третья курица оказалась на третьей перекладине.

– Как счеты, – сказал Пашка, созерцая эту картину.

– Есть такое, – подумав, согласилась мать. – Влад, посади петуха.

Я осторожно подошел к птице, которая с сомнением смотрела на меня, и попытался взять в руки. Петух вежливо, но настойчиво освободился и, сделав от меня шаг, снова застыл. Я опять взял его и снова он вывернулся.

– Такой же немощный, как батя, – язвительно сказала мать и ловко подхватив птица поставила его на насест.

Взмахнув крыльями, петух приземлился на пол.

– Тупой, как и все мужики, – сказала мать. – Сиди внизу, пускай на тебя серут, – решила она.

– А он сам взлететь не может? – спросил Пашка.

– Ты что, дурак? У домашних кур крылья ни чтобы летать, а чтобы хлопать, декоративные.

– Дегоразивные, – повторил Пашка, записывая новое слово в книжечку.

– Пошлите домой, бестолочи.

– А когда они яйца снесут? – словно щенок забегаая вперед

и преданно заглядывая матери в глаза, спросил Пашка.

– Бог даст, завтра начнут.

– А много они несут?

– По яйцу в день при хорошем раскладе.

– А у нас расклад хороший? – не унимался брат.

– Как кормить и заботиться будем.

В прихожей за столом сидел отец и задумчиво смотрел в окно на двор сквозь граненый стакан с коньяком.

– Как светофильтр, – философски заметил он. – Меняет освещение и давление.

Судя по полупустой бутылке, это был не первый стакан.

– По какому поводу банкет? – сварливо осведомилась мать.

– Прибавление в хозяйстве, – не моргнув глазом, ответил отец. – Имею полное законное право.

– Чем кормить твое прибавление будем?

– Я мешок зерна спер, в машине лежит. Влад, как стемнеет, перенеси мешок в дровник.

– Вить, ты ошалел? Ребенку такую тяжесть таскать. Он же надорвется. Сходи, сам принеси.

– Он будущий воин, пускай привыкает, – будто от назойливой мухи, отмахнулся отец. – Я в его годы уже вагоны разгружал.

– Какие ты вагоны разгружал? Где?

– Ну... – отец замялся, – ... возле деревни...

– У вас там отродясь никакой железной дороги не было, –

уличила мать.

– Ну... – задумался и начал ожесточенно скоблить ногтями лысину. Стимуляция помогла, – была, только она секретная была и никто про нее не знал.

– Дурак ты, Витя, – разочарованно вздохнула. – И чего я только польстилась на тебя?

– Умнейше, красивше и сильнейше нас нет никого, – будто масло на сковороде, расплылся в пьяной улыбке отец.

Ночь прошла без происшествий. Утром нас разбудил крик матери, пошедший доить корову.

– Поубиваю, падлы безрукие! – гремя пустым жестяным ведром, кричала она.

– Валь, что случилось? – зевнул отец.

– Обвалилась ваша хреномантия!

Оказалось, что ночью куры собрались на одной перекладине и она сломалась.

– Ничего нельзя доверить! – бушевала мать. – Насест и тот не в состоянии сделать!

Мы с братом виновато молчали, а отец, схватив колбасу, ушел из дома без завтрака. Через два часа привез толстые круглые палки.

– Черенки от лопат и грабель, – выгружая, объяснил, – зацепил на складе по случаю. Приколачивайте их.

День ушел на замену перекладин.

– Мы с тобой теперь как строители, – рассуждал Пашка, –

можем дома строить.

– Коммунизм, – я попал молотком по пальцу и теперь стою, пытаюсь справиться с болью.

– Можем и коммунизм. Пойду пока на курей посмотрю, ага?

– Сходи.

На время ремонта куры были выпущены пастись в испытанный двор, где мирно щипали скудную травку, уцелевшую после коровы и свиней, и квохтали о чем-то своем.

– Как они зерно грызут? – вернувшись, спросил Пашка. – Я попробовал, оно же твердое.

– Клювы мощные, вот и грызут.

– Она же и клюнуть может? – насторожился брат. – Больно будет?

– Если в глаз только, но тебе это не грозит.

– Вдруг очки разобьет? Меня же тогда мамка убьет.

Очки у Пашки видели виды. Пару раз он их ломал, но из экономии новых не покупали, а прикладывали к оправе палочки и заматывали синей изолентой. Изоленты отец у «шефов» на заводе наворовал вволю и ее не жалели.

– Убьет, за очки точно убьет. Пошли дальше делать.

К вечеру удовлетворенно осмотрели дело своих рук.

– Выдержит? – спросил Пашка.

– Вроде должны, – ухватившись за замененные перекладины, я потряс насест. – Слона выдержит.

– Это хорошо. Проверять будем?

– Да ну их, – подумав, решил я. – Еще помнем что-нибудь в курице, потом крику будет.

Мы вышли из сарая и застыли.

– Их шесть стало? – растерялся Пашка. – Это у них цыпленок?

Белый «цыпленок» был крупнее нашего петуха и яростно клевал насыпанное в деревянное корыто зерно. Петух злобно клекотал, но приблизиться боялся.

– Это чужой, не наш.

– Он наше зерно жрет, – изумленно сказал Пашка. – Он ворует наше зерно! Если батя узнает, то...

– Надо его поймать, – решил я.

– А если клюнет? – попятился Пашка.

– Не клюнет, мы его ведром оглушим.

Подхватив стоявший с приходу жестяной подойник, я стал подкрадываться к белому наглецу. Он косился на меня, но продолжал пожирать зерно. Когда оставалась лишь пара шагов, он поднял голову и пристально посмотрел на меня.

– Клюнет, – нервничал Пашка. – Смотри, он тебя клюнет! У тебя очков нет, он тебе глаз выбьет.

– Не каркай! – прицелился.

В это время наш петух, воспользовавшись тем, что внимание соперника было сосредоточено на мне, кинулся на него и сильно клюнул в затылок. Белый пошатнулся. Наш бил еще и еще, пока прищелец не рухнул клювом в пыль. Петух отошел от поверженного и гордо прокукарекал. Я накрыл лежа-

щего ведром.

– Ловко как, – восхитился брат, – прыг, скок, клювом шелк, – начал прыгать по двору, исступленно размахивая руками и размахивая головой, изображая недавнюю битву.

Петух, посмотрев на это, тоже начал скакать и кукарекать. Куры радостно кудахтали и спешили под шумок набить зобы отвоеванным зерном. Брат от избытка чувств тоже начал кудахтать. Эту идиллическую картину застала идущая с работы мать.

– Совсем ополоумели. Павел, немедленно прекрати этот балаган! Хватит изображать из себя придурка. Тебя и так в армию не возьмут.

Брат испуганно замер на половине прыжка и едва не упал.

– А то допрыгаешься до спецшколы, – продолжала мать. – Насест готов?

– Так точно! – с привитой отцом четкостью отрапортовал я. – Насест готов!

– Чего тогда скачете, как козлы горные?

– Мы чужого цыпленка поймали, – доложил Пашка, преданно глядя на мать.

– Где?

– Жрал наше зерно.

– Покажите, – мать подошла ближе, – где он?

Я снял ведро, мать наклонилась.

– Бройлер... Чужой... Почему он лежит?

– Это наш петух его оглушил, – сказал я.

– Молодец. Петух, а не вы. Чего стоите, как засватанные?

Чего ждете?

– А что делать? – не понял я.

– Снимать штаны и бегать, – передразнила мать. – Грузи его в ведро и неси туда, где свиньям варишь.

– Зачем?

– Зарубим, – спокойно сказала мать.

– Он же живой, – сказал я.

– Назвался груздем – полезай в кузов. Он чужой и вкусный! – отрезала мать. – К тому же, он воровал наше зерно. Положишь его шей на пень и отрубишь голову. Потом расскажу, как потрошить и ощипывать. Иди, что ты стоишь? Ты же будущий воин, – глумливо сказала она и пошла в дом.

Я взял обреченную птицу и обреченно понес.

Стоял у нас во дворе металлический обод от тракторного колеса, с вырезанным сбоку отверстием для дров. На него ставилась длинная сорокалитровая выварка из нержавеющей стали. В любую погоду: в снег и дождь, в грозу и ведро, град и буран, приходилось мне разжигать огонь под этой вываркой и, постоянно подбрасывая дрова, караулить, пока вода закипит. Даже падающие с неба камни не могли освободить от этой обязанности. Когда вода закипала, засыпал туда комбикорм и заваривал, помешивая длинной узловатой палкой. Потом снимал и ставил следующую выварку. А дальше надо было в большом чугушке с дыркой от пули картошки сварить для тех же поросят. Так весь вечер возле этого ко-

стра и проводил, под дождем и снегом, среди комаров и разного гнуса.

Положил петуха на пень, достал спрятанный за калиткой топор. Подкравшийся Пашка смотрел с острым любопытством, возбужденно подрагивали, словно хоботок насекомого, очки. Я стоял и чего-то ждал.

– Чего ты ждешь? – не выдержал Пашка.

– Он же живой, – попытался объяснить я. – Он дышит.

– Руби скорее, мамка успеет на ужин стготовить!

– Он же живой, как ты не понимаешь?

– Руби, а то опять один горох вечером жрать! – горячно сказал Пашка.

Отец где-то спер целый мешок гороха и мать из экономии постоянно варила его нам. Вздохнув, я резко опустил топор на покорно вытянутую шею. С легким хрустом перьев голова отделилась и отлетела к забору. Из обрубка шеи ударила длинная струя крови. От неожиданности я отпустил тушку и обезглавленный птиц рухнул с пня. Упав на землю, он вскочил на ноги и, поливая кровью, словно из брандспойта, кинулся прочь, в сад. Я остолбенело смотрел вслед. Пришел в себя только от воплей брата.

– Уйдет! – верещал он. – Уйдет!!!

Схватив полено из кучки, приготовленной на вечер, он с неожиданной ловкостью, будто заправский городошник, швырнул его вслед беглецу, снеся бойлера, словно кеглю.

– Попал!!! – заорал Пашка и начал скакать по двору, улю-

люкая и изображая свой недавний танец.

От сарая к его воплям добавилось кукареканье петуха. На шум из дома вышла мать.

– Опять скачешь, кособокий? – брезгливо поморщилась. – Знать, не устал. Ты чего стоишь, шупальца свесив? – перевела взгляд на меня. – Зарубил бройлера? Где тушка?

– Он убежал, – признался я.

– Безмозглый, весь в отца, – поставила диагноз. – Это у тебя от того, что шапку не носишь. Смотри, мозги вытекут, безмозглым станешь.

– Я его подбил! – ликующе вклинился Пашка.

– Кого ты подбил, кочерыжка моченая? – спросила мать.

– Влад ему голову отрубил, а он тикать, а я поленом его, – хвастался брат.

– Хоть у кого-то здесь мозги с моей помощью работают, – похвалила. – Вовремя я за твое воспитание взялась. Теперь принеси добычу.

Пашка, схватив еще одно полено, пошел за тушкой.

– А ты не стой столбом, а то голуби гнездо совяют, разжигай костер, – велела мне мать. – Надо будет воды нагреть, чтобы петуха ошпарить.

– Зачем?

– Так ощипывать легче, неуч, – приняла из рук Пашки окровавленную птицу и положила на заборный столб. – Пускай пока полежит. Воды поставь полвыварки. Как закипит – меня позовете.

Она ушла в дом, а мы привычно раскочегарили костер. Когда он разгорелся, я оставил Пашку подбрасывать дрова, а сам взял два ведра и пошел в дом за водой. Мать разговаривала по телефону, судя по всему, с Зиной – своей подругой по бухгалтерии.

– Такое мешанство вокруг, – жаловалась желтой телефонной трубке, пока я наполнял ведра водой в ванной комнате, – что я просто задыхаюсь как в хлеву. Так тяжело, все вокруг глупые, завистливые обыватели, норвят украсть, обмануть, объегорить. Дети и те как каторжники малолетние.

Вынес воду, поставил выварку на обод, налил в нее. Пашка задумчиво тыкал пальцем в сруб петушиной шеи и потом слизывал с пальца кровь.

– Живучий какой, – сказал он. – Чуть не убежал.

– Угу, – я смотрел на пламя, борясь с тошнотой.

– Может, еще какой-нибудь к нам придет? – воровато оглянулся.

– Угу... – подбросил в пламя дров.

– Теперь знаем, как их рубить, – не унимался мелкий надоеда. – Надо голову поискать, а то украдут.

– Точно.

Вода закипела, Пашка позвал мать. Она пришла с кастрюлей и ножом. Брат волок следом таз.

– Клади куренка в таз, – командовала мне мать. – Теперь поливай кипятком. Паш, возьми за лапы эту падаль, только осторожно, не обожгись. Влад, лучше лей, не желей. Теперь

щипайте.

Мы начали отдирать мокрые скользкие перья.

– Шибче щипите, каторжники, скоро батя с работы придет, а у нас еще и конь не валялся.

С грехом пополам ощипали птицу.

– Павел, опять бери за лапы, Влад, возьми нож и вспори брюхо.

Я провел ножом по животу, из разреза хлынули петли кишочек и что-то желто-зеленое, пошел резкий запах.

– Он не пропал? – заволновался поморщившийся Пашка.

– Нет, все нормально, это потрошки так пахнут.

– А их едят? – жадно спросил брат.

– Еще как, – подмигнула. – Как пожарим с луком, так тебя за уши не оттащишь.

– А мы пожарим? – облизнулся Пашка.

– Конечно, – успокоила. – Влад, теперь промой брюхо изнутри, внутренности пополаскай. Молодцы, – уложила птицу в кастрюлю. – Я пошла готовить ужин, а вы сварите свиным. И перья под яблоней в саду заройте, это полезно.

– А из головы можно что-нибудь приготовить? – смущенно спросил Пашка.

– Что из нее можно приготовить, если она у тебя пустая? – удивилась мать.

– Из куриной, – показал запыленную голову.

– Возьми, – проявив щедрость, разрешила мать, – я ее тебе сварю, заслужил.

Пашка раздулся от гордости, напомнив пьяного отца, тешащего свое мелочное самолюбие. Она ушла, а мы остались готовить корм свиньям. Когда зашли в дом, по нему плавал аромат жареного мяса и баритон Добрынина.

– Ты петуха жарить? – сглотнул слюну брат.

– Сначала сварила, теперь обжариваю с луком, – перекиривая магнитофон, отозвалась из кухни мать. – Как батя придет, так станем ужинать. Потерпите.

Мы зашли в свою комнату и сидели, ожидая ужина. Отец, войдя, принюхался и насторожился.

– Валь, ты где мясо взяла?

– Детям спасибо скажи, – выключив магнитофон, похвалилась. – Добытчики, не то, что ты.

– СтаршОй, младшОй, сюда идите, – позвал нас отец, плюхаясь в продавленное кресло. – Откуда мясо?

– Бойлер воровал наше зерно, Влад его убил, – шустро доложил Пашка, – он стал убегать, а я его поленом! Вот!

– Ничего не понял, – помотал крупной головой отец.

– Он без головы побежал, – начал объяснять я, – а Пашка по нему полено швырнул.

– Ну что я могу сказать? – внушительно начал отец. – Вы проявили неожиданную смекалку и разумную инициативу, за что вам объявляется благодарность. Ура!

– Ура!!! – закричали мы.

– Свободны, можете оправиться и перекурить, – отпустил нас отец.

– А мясо? – робко спросил Пашка.

– Какое мясо? – удивился отец.

– Бойлера...

– Мясо это на усмотрение Валентины Егоровны, – кивнул на мать, которая словно черепаха из панциря высунула голову из кухни и подслушивала. – Мясом она заведует. Понял?

– Так точно, – вяло ответил брат.

– Ну, ступай, играй, веселись, что вы там делаете в свое личное время, – махнул рукой, и, достав сигареты, с наслаждением закурил.

На ужин мать торжественно водрузила посреди стола сковородку.

– Вот, кушайте на здоровье, – щедро сказала она и начала делить куренка.

Отхватив бедра, разложила себе и отцу по тарелкам. Мне досталась шея, а Пашке гузка.

– Все по-честному, – закрыв сковородку крышкой, сказала мать. – Ты, Павел, задним умом крепок – тебе гузка. Ты, Влад, вечно лезешь поперек батьки в пекло – тебе шея. А мы с отцом старенькие уже – нам по ножке, чтобы ходили подольше, да вас на себя тянули. Мы же должны вас постоянно пинать, чтобы вы не ленились и стали людьми.

– Быть посему, – провозгласил отец, успевший за время дележки налить себе стакан водки. – Приступаем к вечернему приему пищи, – махом опрокинул в себя стакан, крикнул

и стал ожесточенно пожирать ножку.

Мы ели молча, радуясь, что по случаю праздника мать сготовила макароны.

– Раньше короли костями в шутов бросали, – отец задумчиво осмотрел тщательно обглоданную кость и перевел взгляд на Пашку.

– Витя, не вздумай! – всполошилась мать. – Потом по всему дому на линолеуме будут жирные пятна! Прекрати!

– Ладно, уговорила, – налил еще стакан. – Давай еще порцию.

Мать сняла крышку и вновь начала орудовать ножом.

– Вы нам в старости надеждой и опорой должны быть – вот вам по крылу, – на наши тарелки шлепнулись шматки мяса. – А нам с Витей по-стариковски, – отцу в тарелку угнездилась грудина, а матери – все остальное. – Вот и кончился кур, – вздохнула и принялась терзать свою долю.

– Так мало, – вздохнул Пашка.

– Поймаете еще, будет больше, – ободрил отец, выпив водку и вгрызаясь в пласты белого мяса. – Я тебе потом дам косточки обглодать и хрящики пожевать, – расщедрился он.

– Хрящики очень полезны в твоем возрасте, – подтвердила мать. – Для костей и так в целом.

Так закончилась наша первая добыча. Назавтра нас снова ждал горох и сваренная голова специально для Пашки.

Бойлер – 2 (Сочная)

После того как мы завели курей, у нас началась, как и обещал отец, совсем другая жизнь.

– Вить, куры как-то странно себя ведут, – сказала за завтраком мать.

– Нормальные куры, что ты выдумываешь? – отец наложил на хлеб сливочное масло и теперь мазал сверху сметаной и горчицей. Перед ним скворчала сковородка с яичницей с салом и зеленым луком. – Тощеваты, конечно, но это поначалу, – одним махом откусил половину бутерброда, следом метнул ловко подхваченный вилкой пласт яичницы, – опять же, их нельзя закармливать, а то нестись будут плохо, – остаток бутерброда исчез в его пасти.

– А ты нам обещал, что будем олет есть, – подал голос Пашка, глядя в рот папаша.

– Я же омлет обещал, – отец методично накладывал масло на следующий кусок хлеба, – а это яичница. Не понимаешь что ли разницы?

– Нет.

– А она принципиальна! – отец значительно поднял палец.

– Вить, что ты ребенка путаешь? – вступилась мать. – Он и так придурковатый, а ты этому хлюстоплету новые слова говоришь.

– Это да, – отец покачал лысеющей головой. – Мы в их

возрасте крапиве и сныти были рады, а эти разгвоздья омлета требуют. О времена, о нравы! – щелкнул жирной вилкой Пашке по лбу. – Совсем распустились!

– Витя, что ты делаешь?!

– А что?

– Вилка же жирная! Он потом жирной головой подушку испачкает, а мне стирать?

– Извини, не подумал, – отец доел яичницу и толкнул сковородку Пашке. – Бери хлеб и макай, да помни батькину доброту.

Пашка жадно набросился на объедки, отец встал и сладко потянулся:

– Видать, не в коня горб. Я на работу.

– Ты бы курей посмотрел все-таки, – мать допила чай и поставила стакан.

– Я тебе не Лысенко, кур воспитывать! – отец снял с висящих в простенке лосиных рогов шляпу, нахлобучив, поправил ладонью. – Ладно, не шалите тут без меня, – проходя мимо, ласково отвесил мне оплеуху, от которой загудела голова, и вышел за дверь.

– Дома не лежите, – собираясь на работу, наставляла мать. – Походите по деревне, может что подвернется полезного.

– Что? – Пашка поправил на переносице перемотанные синей изолентой очки.

– Что-нибудь, что плохо лежит, – подхватив сумочку, на-

правилась к двери, – только хомут не тяните, как прошлый раз, – вышла.

Мы переглянулись.

– Я же говорил, что хомут никому не нужен.

– А батя говорит, что в хозяйстве все сгодится, – возразил брат.

– Значит не все.

– Чем хомут плох? – брат часто путал слова.

– На кого его надевать?

– На корову можно.

– Зачем?

– Ну, – брат снова почесал переносицу очками, – вместо ошейника...

– Ты ку-ку? – я постучал себя пальцем по виску.

Открылась дверь, в прихожую вошла растрепанная мать.

– Кто рано встает, тому бог подает, – тяжело дыша, сказала она. – Учитесь, лежебоки!

– А что случилось? – осторожно спросил я.

– Иду я, смотрю, курица черная перед калиткой ходит, падла. Я ее во двор загнала, – понизила голос. – Курица такая в теле, сочная, перья блестят. Видать, что несушка хорошая.

– Чья она? – спросил я.

– Думаю, от соседей прилетела.

– От каких соседей? Вокруг же нет никого, один сад.

– Вокруг нет, а в масштабах деревни... Через дорогу Колька Лобан живет, вон там, – показала рукой, – Иван – авто-

бусник, а вон там, – очередной взмах руки, – две новых улицы, кого там только нет.

– Из такой дали разве могла курица залететь? – усомнился Пашка.

– Мало ли, курица-то черная... – мать сделала значительное лицо, – в общем, она во дворе, поймайте и в сарай, – встала и ушла.

– Во как, – Пашка скорчил рожу, которой позавидовал бы любой дебил, – курицу поймала.

– Пока не поймала, – я допил холодный чай, – пошли, пока она со двора не смылась, а то мать нас придушит.

Мы вышли во двор. Со стороны дороги он был огражден глухим двухметровым забором, со стороны сада забором пониже. От сараев его отделял забор из штакетника. Посреди двора растерянно застыла черная птица.

– Аккуратнее, – тихо сказал я, – а то она улетит.

– Не улетит, падла, – брат начал тихо красться к птице.

Курица, склонив голову, с подозрением смотрела на него.

– Может поленом еще? – повернулся ко мне Пашка. – Как того бойлера.

– Бойлера мы после полена съели, а что ты с курицей собираешься делать?

– Давай и курицу съедим? – Пашка облизнулся.

– Мать сказала, что она нестись у нас будет.

– Яиц нам не дадут, а мяса дадут, – соблазнял брат. – Сам подумай, лучше ее зашибить.

Из дома раздался пронзительный телефонный звонок.

– Подожди, схожу послушаю, – решил я.

Зашел, поднял трубку:

– Алло.

– Влад, это я, – сказала трубка голосом матери. – Вы курицу поймали?

– Нет еще, она во дворе.

– Тут такое дело... – мать замялась, – бабка Максиманиха, склочня старая, сказала, что это ее курица. Совсем из ума выжила, коряга трухлявая!

– Откуда она узнала? – не понял я.

– Я иду и тут она навстречу. И спрашивает про курицу. Представь себе! Это оказалась ее курица!

– И что делать?

– Я сказала, что не видела, но Максиманиха проныра, каких поискать. Она сейчас по деревне шарится и курицу подзывает.

– Как подзывает?

– Квохчет так, ну, по куриному. Вы смотрите, подальше в сарай засуньте, чтобы не услышала. А лучше, возьми из аптечки бинт и клюв ей завяжите. Все, это я из батиного кабинета говорю, мне пора, – трубка запиликала короткими гудками.

Я задумчиво смотрел на желтый телефон. В себя пришел, услышав шум во дворе. Выскочил во двор. За забором кто-то громко кудахтал. Наши куры, сгрудившись перед сараем,

неуверенно отвечали, подозревая подвох. По двору бегала черная курица. За ней, словно обезумевший козленок, скакал Пашка, вскидывая руки вверх и выкрикивая:

– Сочная, сочная! Сочная, сочная!

Я остановился, не зная, что делать. Петух, стоящий на крыше и смотревший на это представление, разразился оглушительным ку-ку-реку. Брат зловеще блеснул очками и ловко пнул курицу. Она отлетела к штакетнику. Подбежав, я схватил ее и зажал клюв. Отнес пленницу на веранду – ничего лучше в голову мне не пришло. Раздался звонок от калитки. Хрустя гравием дорожки, я потащился открывать. За калиткой стояла укутанная в цветной платок Максиманиха.

– Здравствуйте, Марфа Захаровна.

– Здорово, хлопчик. Старшие дома есть?

– Нет, родители на работе.

– Экая незадача, – фальшиво огорчилась бабка, стараясь заглянуть во двор. – А я ведь чаво спрашиваю-то? Курочка у меня пропала, хохлатка...

Я молчал, ожидая продолжения. Из-за спины неслось: Сочная, сочная! Сочная, сочная!

– Про что это я?

– Хохлатка у вас пропала, курица.

– А, верно, черная такая... Не видал?

– Я дома был, никуда не ходил, ничего не видал.

– Может во двор к вам забежала? – хитро блеснула юрким глазом бабка.

– Нет у нас чужих кур, только наши, но они не черные.

– Посмотреть можно? – бабка попыталась отстранить меня с прохода.

– Родители запрещают чужих пускать, когда их нет.

– Да я же рази чужая? – удивилась Максиманиха. – Да я, можно сказать, соседка ваша. Да меня же тут каждая собака знает!

– Собака может и знает, но родители сказали никого не пускать.

– Я одним глазком только взгляну и все. Или ты чего-то боишься? Что-то скрываешь?

– Ничего я не скрываю.

– Так я взгляну?

– Только недолго, – неохотно отодвинулся, пропуская настырную старуху.

Она ворвалась во двор и начала бросать по сторонам быстрые взгляды.

– А в ящике у вас чего? – указала она на железный ящик под окном кухни.

– Баллоны газовые.

– Хитро придумали, чтобы не подожгли, – прошла дальше. – А гравий для дорожки где брали?

– Не знаю, батя откуда-то привез.

– Разумно, слышно если кто-то ночью ползет. Хозяинственный он у вас, прямо как барин.

– Куры вон, – указал я, – видите, черных нет.

– Откуда ты знаешь, что черная? – насторожилась Максимианиха.

– Вы же сказали... – я начал лихорадочно вспоминать, говорила ли бабка про цвет.

– Я не говорила! – Марфа Захаровна пристально уставилась на меня.

Из-за кирпичного выступа кухни выскочил Пашка:

– Сочная, сочная! Сочная, сочная!

– Чего это он? – попятилась Максимианиха.

– Это он... физкультурой занимается.

– Клоп этакий, а туда же, – уважительно сказала Марфа Захаровна, – физкультурой занимается. Чудно.

Подскочив, он начал кружиться вокруг.

– Паша, ты курицу не видел? – ласково спросила бабка.

– Сочная, сочная! Сочная, сочная!

– Курицу, говорю, не видел, балбес?

– Сочная, сочная! Сочная, сочная!

– Совсем он у вас дурачок? – бабка с сочувствием посмотрела на меня. – И по деревне с зонтиком ходит...

Воспользовавшись моментом, Пашка вдруг вцепился зубами в палец Марфы Захаровны.

– А-а-а-а! – заорала она, тряся рукой, – А-а-а-а!

– Сочная, сочная! Сочная, сочная!

Максимианиха в ужасе попятилась.

– Держи его!!!

– Да он...

– А-а-а! – развернувшись, бабка стрелой метнулась со двора, едва не снеся калитку. – Убивают!!! Помогите!!! – с криком неслась по пыльной улице.

Шагнув вперед, я отвесил брату оплеуху. Голова его вздернулась, он замолчал и застыл как статуя. Лишь глаза как две хищные рыбки плескались в толстых аквариумах очков.

– Ты что сделал, придурок?

– А что я сделал? – Пашка привычно попытался прикинуться наивным.

– Зачем ты ее укусил?

– А зачем она меня Израилем Фендсом дразнит?

– Теперь явно дразнить не будет...

– Вот и хорошо, – брат опять начал скакать.

– ... тебя в интернат заберут...

– Чего это меня заберут? – он замер с поднятой ногой.

– Нормальные люди не кусаются.

– Ты мне тоже палец откусил!

– Я случайно².

– И я случайно...

– Мать не поверит, – я покачал головой.

– Я скажу, что это чтобы бабку от курицы отвлечь.

– Попробуй, скажи.

– А куда ты курицу дел?

– На веранду, – поднимаясь на крыльцо, ответил я.

² См. рассказ «Еще немного икры»

Пашка тащился следом. На веранде курицы не оказалось, зато дверь в дом была приоткрыта.

– Если она нагадит, то мамка нас прибьет, – высказал здравую мысль брат.

– Тихо, не спугни.

Мы прокрались в дом и начали искать злополучную птицу. В прихожей о ней напоминал только опрокинутый стакан и перья на столе.

– Где-то прячется, – сверкнул очками брат, – думает, что не найдем.

– Главное, не пугай ее, а то еще разобьет окно, – умерил я его пыл. – надо поласковее с ней. Попробуем на хлеб подманить, – я открыл деревянную хлебницу, спугнув спящего в ней кота, и взял хлебную корку.

– Где она может быть? – вертел головой Пашка.

– Да где угодно, – я заглянул под стол, под кресло. – Тут нет, пошли в кухню.

– Там прятаться негде.

– Могла в ванную залезть – дверь открыта.

Мы обыскали кухню, потом заглянули в ванную комнату. Ни в ванной, ни под ней курицы не было.

– Может тут? – Пашка открыл титан.

Там курицы тоже не оказалось.

– Видишь, тут нет, – я закрыл дверь в ванную, потом в кухню, – уже знаем, что она где-то в другом месте.

– Куда дальше?

– Пошли в нашу комнату.

Наша комната когда-то была единой, но потом по указанию матери рабочие с автозавода разделили ее перегородкой на мою, где отец валялся на продавленном старом диване и Пашкину, где стояли две кровати с панцирными сетками, стол и шифоньер. Еще там раньше были комод и на нем маленький холодильник, но потом отец кому-то их продал. Мы обыскали комнату брата. Под столом, кроватями, в шифоньере и на нем, птицы не было. Обыскали мою. Потом зал. Последняя комната – спальня родителей. Снова никого.

– Может, в раздевалке, – Пашка почесал затылок.

Была у нас в прихожей маленькая квадратная комнатка, в которой висела одежда.

– Там дверь закрыта.

– Вдруг просочилась? – Пашка открыл дверь и напряженно всмотрелся в темноту. – Нет, вроде, – попинал ногой, ничего не произошло. – Куда она могла деться? – посмотрел на меня.

– В ванной было окошко открыто, может, вылетела?

– В такое маленькое?

– Почему нет? Еще надо в чулане посмотреть, – я вышел на веранду, проверил чулан. – Нет.

– Может, в то окно вылетела? – на веранде было разбито окно, наполовину забитое металлическим листом. Я лазил через него в дом с крыши мастерской.

– Пошли искать во дворе.

Поиски во дворе, огороде и саду тоже ничего нам не дали. Утомленные безуспешными поисками, мы сидели на крыльце.

– Что будем делать?

– Не знаю, – вздохнул брат. – Мамка не поверит, что курица просто пропала.

– Не поверит.

– Подумает, что мы ее сожрали...

– Слушай, а это идея. Давай скажем, что собака курицу сожрала.

– А поверит? – с робкой надеждой спросил брат.

– Надо бросить перьев возле будки, увидит – поверит.

– Где их взять?

– Выдернем понемногу с наших кур.

– Наши же не черные.

– Покрасим черной тушью. Мне мать ею цилиндр красила. Я знаю, где пузырек стоит.

Сказано – сделано. Мы начали гоняться за птицами. Поднялся переполох: петух орал, куры орали, Пашка опять завел свою песню:

– Сочная, сочная! Сочная, сочная!

– Нет, так дело не пойдет, – сжав в кулаке два добытых пера, тяжело дыша, сказал я, – так мы долго будем за ними гоняться.

– А мне нравится, – что удивительно, Пашка совсем не запыхался от прыжков и криков.

– Нам еще надо время, чтобы тушь высохла.

– Что делать?

– Можно взять перья из подушки.

– Там перья?

– Ты не знал?

– Нет.

Мы аккуратно вспороли краешек шва на моей подушке и вытащили горсть перьев.

– А почему мы сразу в подушке не взяли?

– Я как-то не подумал, – смутился я. – Теперь надо покрасить. Пошли на улицу, чтобы не набрызгать.

Взяли в стенке пузырек, пошли в сад. Обмакнули перья в тушь и разложили сохнуть на лопухе.

– Вроде, похоже, – Пашка низко склонился над перьями, – вроде как с той.

Высохшие перья разбросали возле конуры недоуменно смотрящего на нас Байкала.

– Хорошо, – глаза Пашки лихорадочно метались, – похоже.

– Все, ждем.

В начале шестого не замедлила ворваться мать.

– Павел, ты совсем чеканулся?! Это неслыханный скандал! Укусить старую женщину!!! – с порога начала она.

– Ты сама говорила, что она склочня, – набычился брат, исподлобья глядя на мать.

– Склочня, конечно, но зачем кусать? Она сейчас ползет

в амбицию, растреплет всей деревне и заберут тебя в спецшколу... А нам с бате́й из-за тебя расходы будут! Что про нас люди скажут?! – звонко хлестнула Пашку ладонью по лицу.

– Я хотел от курицы ее отвлечь...

– А где кура? – мать удержала занесенную для удара руку.

– Тут такое дело... – замялся я.

– Какое? – угрожающе понизила голос.

– Пока мы с Максиманихой разговаривали, Байкал сожрал курицу.

– Сожрал? Откуда ты знаешь? Сам это видел? – мать подозрительно прищурилась.

– Там перья валяются.

– Пошли, покажешь.

Внимательно осмотрев перья, мать задумалась.

– Вроде не такая черная была? – с сомнением сказала она. – Хотя... Ладно, бог дал, бог взял. Жалко, конечно, но ничего не поделаешь, – идя к дому, рассуждала вполголоса. – Вам впредь наукой будет, могли бы мясца отведать, если бы не раздолбайничали, – зашла в дом.

Мы переглянулись, брат расплылся в робкой кривой улыбке.

– Получилось! – прошептал он.

– Тихо, не сглазь. Давай свиньям сварим.

Разожгли в ободу костер, взгромоzdили выварку с водой.

Отец явился, когда заваривали комбикорм.

– Ну что, оглоеды, где наше приобретение?

– Какое? – спросил Пашка.

– Что значит какое? Где курица, что Валька поймала?

– Ее Байкал съел, – сказал я.

– Растыры, – отец сплюнул в меня окурок, – как говорится, дураку стеклянный ненадолго: или разобьет, или потеряет. Одни убытки от вас! – начал подниматься на крыльцо, мы потащились за ним.

– Слышала, что эти паразиты с курицей сделали? – шагнув в прихожую, прокричал.

– Слышала, – выглянула из кухни мать. – А что младший Максиманихе чуть палец не отгрыз, ты в курсе?

– Чего? – отец вывалил глаза, словно свистнувший на горе рак. – Чего он сделал?!

– За палец ухватил Марфу Захаровну, – отдельно повторила мать.

– Не бойся никого, сери у хате, – присвистнул отец и повернулся к Пашке. – Совсем ошалел от безделья? Ты смотри, так до дурдома допрыгаешься.

– Это я чтобы от курицы это... отвлечь, – промямлил брат.

– Отвлекальщик, ногу тебе за ногу, – отец посмотрел на мать. – Ты откуда про это узнала? Сам сознался?

– Как же, – язвительно ответила мать, – сознается он, держи карман шире. Домой шла, встретила Максиманиху, она меня поджидала и нажаловалась.

– Дела... За палец тяпнул, а курицы нет... Недоумки,

устроить бы вам нагоняй... – отец сорвал коричневую фетровую шляпу и швырнул на висящие в простенке раскидистые лосиные рога.

Он случайно нашел их в лесу и всем хвалился, что добыл на охоте. Раздался истошный крик, и шляпа, слетев на пол, стала по нему бегать.

– Свят, свят, свят! – крестясь, попятилась в кухню мать.

– Нечистая!!! – заорал Пашка, катапультируюсь с веранды.

Я, не зная, что делать, застыл в дверях, как памятник.

– Белочка! – пораженно прошептал отец и ущипнул себя за ногу. – Допился!

Мать с развевающимися волосами выскочила из кухни и с криком: «Изыди!» шандарахнула по шляпе бутылкой. В таких бутылках она хранила набранную в Добровской церкви святую воду. Шляпа обиженно заорала куриным голосом. Бутылка, разливаясь, покатила по полу. Отец, не держась на ослабевших ногах, рухнул на стул. Из-под шляпы, истошно крича, выскочила курица.

– Воскресла!!! – мать хлопнулась в обморок, гулко ударившись головой об пол.

– Это съеденная? – слабым голосом спросил отец.

– Да, – выдавил я.

Курица, воспользовавшись нашей растерянностью, проскочила у меня меж ног и выскочила на крыльцо. Я рванулся следом, но услышал приказ отца:

– Не трогай!

– Почему?

– Нельзя! – отец помял руками лицо. – Со мной негр один учился, он рассказывал про такое. Ихние колдуны оживляли трупы и заставляли себе служить.

– Ничего себе! – восхитился я, сообразив, что хитрая бес-
тия спряталась на рогах среди головных уборов и сидела, пока отец не попал в нее шляпой. – Бывает же такое!

– Я у него виски украл... наверное, он решил мне отомстить...

– И еще журнал, – напомнил я.

Историю ссоры отца с неграми мы уже слышали не один раз³.

– Журнал это у другого, – отмахнулся папаша.

Я уважительно промолчал.

Спасшаяся курица благополучно добралась до Максимианихи. Мать, придя в себя, окропила весь дом святой водой. На следующий день отец привез из Добровки батюшку – отца Василия, который провел какой-то свой ритуал. А Пашка затаил злобу на Марфу Захаровну и решил выкрасть курицу, ставшую яблоком раздора. Но это уже совсем другая история.

³ См. рассказ «Весь вечер на арене цирка»

Бойлер – 3 (Соучастники)

После того как черная курица избежала наших загребу-щих рук (и тарелок) Пашка загорелся идеей вернуть ее.

– Это наша добыча, – поблескивая отблесками костра в стеклах очков, горячечно говорил он. – Мы должны были ее съесть!

– Не уверен, что мы бы ее съели, – рубя украденный ночью забор, возразил я. – Мать могла просто так сказать.

– Могла, но могла и сготовить, – облизнулся брат, – помнишь, как первого бойлера съели? – в животе его громко заурчало. – Не стали бы мы ее с нашими держать, отличается она.

– Курица отличается, но примет особых не имеет, – солидно объяснил я, – попробуй докажи, что мы ее не купили.

– Надо было сразу ее к нашим запустить.

– А если бы начали драться? – я, подкармливая огонь, забросил порубленный штакетник в колесный обод, служивший очагом. – Они дерутся и тут бабка приперлась – сразу же все понятно.

– Как она так додумалась, на рогах спрятаться? – продолжал брат, усевшись на пень. – Вот говорят, что мозги куриные, а у кур тоже мозги есть!

– Жить захочешь и на рогах спрячешься, – я сел на чугунок с картошкой, ожидающий своей очереди на обод. – За-

будь ты про эту курицу и успокойся.

– Нет, – брат покачал головой, – тебе легко говорить, тебя в больнице куриным буленом⁴ кормили, а я курей не ел.

– Еще наешься.

– Это нельзя так оставить, – он погрозил кулаком в сторону сада, – мы им еще покажем!

– Кому?

– Им! Всем покажем: и Максиманихе и воспитательницам этим. Еще не знают, с кем связались!

К детскому саду у брата были какие-то личные счета, ибо, в отличие от меня, он в детский сад ходил. И что-то там не «срослось» с воспитателями, из-за чего юный шалопай замазал глиной дверной замок. За что был показательно наказан, чтобы прочим детям было неповадно. Еще и мать потом дома ему ввалила, как сидоровой козе. С тех пор они, с другом Шуриком по кличке Моргуnenок, по вечерам с завидным постоянством замазывали замок. Пашка даже специально для этого с собой глину в кармане таскал. Моргуnenок тоже был не подарок – тот еще пройдоха. Познакомился с ним Пашка случайно, встретив в саду, окружающем наш дом.

– Воспитательницы-то тут при чем? У них же курей нет.

– Они у Максиманихи в доме живут, значит, они заодно.

– Просто комнату снимают и все, что тут такого?

– Все замешаны! – глаза Пашки яростно метались в аквариумах очков. – Все они против нас, все нам завидуют – так

⁴ Брат часто путал малознакомые слова.

батьа говорит.

– Батьа много чего говорит, – я снова подбросил в пламя штакет.

– Мамка Максиманиху не любит.

– А кого мамка любит?

Пашка надолго задумался. Пока он думал, в выварке закипела вода. Я шандарахнул в нее комбикорм, размешал большой деревянной толкушкой, которую мать называла макогоном⁵. Снял выварку на зашипевшую землю, поставил на обод чугунок.

– А когда свиной будем есть? – втянув в ноздри запах комбикорма, переключился на новую тему брат. – Мы их кормим, а сами?

– Свиной обычно осенью режут, – я сел на теплую крышку выварки.

– Долго еще, – вздохнул брат и, подобрав топор, начал задумчиво его рассматривать.

Мне стало не по себе.

– Ничего, я еще эту курицу съем, – убежденно сказал Пашка, встал с пня и вонзил в него топор.

Назавтра вместе с Шуриком они начали следить за домом Максиманихи. Полдня проторчали в лесопосадке, дожидаясь пока хозяйка уйдет из дома. Наконец, мимо лузгаю-

⁵ Макогон (укр. макогін) – деревянная закруглённая внизу палка, пест, которой на Украине толкут семена льна, растирают мак, творог, масло и т. п. Раньше специальные большие макогоны использовались для перетирания корма для свиней. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Макогон>

щей и поприплевывающей на завалинке под крашеным желтой масляной краской окном с ярко-синими наличниками семечки Марфы Захаровны прошел юркий дед Мирон. Старики зацепились языками и полчаса перекрикивались через забор.

– Как думаешь, Максиманиха Ленина помнит? – задумчиво спросил Шурик.

– Я откуда знаю? – раздраженно ответил Пашка. – Что ты вечно дурацкие вопросы задаешь?

– Ну... – смутился Шурик, – ты же в очках, значит, должен все знать.

– Нет, ну так-то я знаю, – горделиво ответил Пашка, став похожим на хвастающегося отца, – но про Максиманиху не знаю.

Бабка, шустро вскочив с завалинки, куда-то отправилась с Мироном.

– Пошли! – Пашка дернул друга за рукав и низко пригибаясь выскочил из укрытия.

Добежали до дома Максиманихи и застыли у плетня напротив сарая.

– Вдруг там воспитательницы? – пугливо спросил Моргуенок.

– Днем они в саду, – Пашка выглянул из-за плетня, рассматривая двор. – Вот она! – ткнул пальцем в сторону уныло пасущейся курицы. Бабка привязала птицу за ногу к вбитому в землю поломанному черенку деревянных граблей. – От нас

не уйдешь, падла! – открыл калитку, зашел во двор, выдернул колышек, пятясь вышел и за веревку вытащил курицу. – Мешок держи! – командовал, пытаясь схватить клюющуюся и бьющую крыльями птицу. – Шире отворяй! Да помоги ты! Чего стоишь!

Совместными усилиями запихнули пленницу в мешок. Бегом, как два хорька, кинулись к посадке. Оглядываясь, дошли по ней до перекрестка, нырнули в сад и уже не спеша дошли до дома. Я в это время долбил подвешенную к яблоне самодельную грушу, сделанную из лопнувшего футбольного мяча, где-то украденного отцом.

– Влад, посмотри, – брат, таинственно ухмыляясь, протянул мешок, в котором что-то трепыхалось.

– Что там? – я не спешил брать мешок, мало ли что в нем может быть.

– Ты посмотри.

– Что там? – повторил я, переведя взгляд на Моргуnenка, стоящего за спиной Пашки.

– Там это... того... курица, короче там...

– Из дома принес? – памятуя, как Пашка заставлял Шурика носить нам сало из дома, вопрос был совсем не глупым.

– Мы это... того... ее... у бабки... Захаровны...

– Понятно, – теперь я смотрел на Пашку. – Все никак не успокоишься? Начал уже курей со дворов красть?

– Дед лошадей в нашем возрасте воровал, а чем я хуже?

– Ты бы еще Гайдара вспомнил, который в шестнадцать

лет полком командовал. Тогда время было другое, социализма не было.

– Какая разница? Курица даже лучше, ее есть можно.

– Лошадь тоже можно, – сказал Шурик, – из них колбасу делают, я ел.

– Вкусная? – заинтересовался брат.

– Ну... это... твердая, а так вкусная.

– Надеюсь, лошадь вы воровать не станете? – без особой надежды спросил я.

– Посмотрим, – глаза Пашки уклонились и стали покачиваться в иллюминаторах очков, – пока надо с курицей решить.

– Что вы с ней собираетесь делать?

– Можно ее в саду пасти, – предложил Шурик, – она к колу привязана.

– Ветчинную прослойку от травы нагуляет, – мечтательно повторил слова отца Пашка.

– Ветчинная прослойка от травы у свиней, – поправил я.

– А у курей что?

– Не знаю.

– Будет тогда яйца нести, а мы их есть будем.

– Где ты их собираешься готовить?

– Жарить будем.

– А если мать застучает?

– Ну... – Пашка снял кепку с накладными кудрями и почесал вспотевшую заросшую голову.

– Вот тебе и ну.

– Яйца варить можно, – подсказал Моргуnenок.

– Варить будем в выварке, – подхватил брат, – так же можно?

– Ну... – я вспомнил «Маленьких дикарей», где яйцо варилось вместе с бельем, – можно.

– Значит, так и сделаем, – обрадовался Пашка. – Курицу сажаем здесь, а яйца варим на костре. Она сегодня снесется?

– Не знаю, – признался я.

– Нужно их щупать, – блеснул деревенскими знаниями

Шурик.

– Ты умеешь? – спросил Пашка.

– Ну... это...

– Попробуй, – он ткнул в друга мешок.

Тот растерянно засунул руку внутрь, начал возиться.

– Ой! – выдернул руку.

– Укусила? – встревожился брат.

– Клюнула, – пожаловался Шурик, тряся рукой.

– Вот падла купоросная! А яйцо, яйцо будет?!

– Ну... это... того... тудым-судым... – начал мямлить

Моргуnenок.

– Все с вами ясно, курокрады, – сказал я, – сажайте на цепь...

– Там веревка, – перебил брат.

– На веревку, только так, чтобы она была незаметна.

– Хорошо, – очки брата радостно блеснули, словно капли

утренней росы. – Сейчас.

Они отошли к куче засохших яблоневых веток и, вытряхнув из мешка пленницу, воткнули черенок в землю. Вернулись ко мне, наблюдая за избиением груши.

– Можно не просто так яйцо, – делился Шурик, – а порезать его и луку туда крошить кольцами, майонезом залить – салат получится.

– Во как! – облизнулся Пашка и в волнении сорвав с яблони листья, начал их жевать. – Салат из яйца. А сметаной можно?

– Ну... думаю, можно.

– А то мы шкорлупу едим, – по подбородку текла зеленая слюна.

– Зачем? – удивился Шурик, глаз его задергался.

– Мамка заставляет, чтобы кости были крепкими. Раньше рыбий жир заставляла пить⁶, чтобы рахата не было, а теперь шелуху яичную.

– Рахат он же вкусный? – не понял Моргуnenок.

– Не рахат, а рахит. Болезнь такая, – объяснил я.

– Влад, меня так научишь бить? – спросил Шурик.

– Зачем тебе?

– Вдруг хулиганы пристанут.

– Тут есть хулиганы кроме вас? – удивился я.

– Вдруг в Добровку поеду, а там пристанут они?

– От хулиганов тебе бокс не поможет. Ткнут ножом и все

⁶ См. рассказ «Рыбий жир»

дела.

– Ну... это... буду хоть от Рябича отбиваться.

Рябич – мальчик, у которого Пашка из кабинки в детском саду украл зонтик, с которым потом таскался по деревне. Из-за зонтика Максиманиха и прозвала Пашку Израэлем Хендсом, за что он ее невзлюбил.

– Он к тебе лезет?

– Нет, но он задается, что у него родственники в Москве есть.

– За это бить нельзя.

Курица начала истошно орать. Мы уже знали, что это означает.

– Снеслась! – заорал Пашка и начал радостно прыгать, выкрикивая. – Сочная, сочная! Сочная, сочная!

– Чего это с ним? – испугался Шурик.

– Не обращай внимания, – отмахнулся я. – Это уже не первый раз.

– А-а, – протянул Моргуnenок, но было видно, что он ничего не понял.

– Хватит скакать, – сказал я, – сходи, яйцо забери.

– Сочная, сочная! Сочная, сочная! – Пашка попрыгал к курице, вернулся с яйцом. – Во!

Курица продолжала истошно орать.

– Чего она орет? – начал беспокоиться Шурик. – Пора бы уже замолчать.

– Действительно, – я тоже начал волноваться, – скоро мать

придет, а тут курица надрывается. Она услышит и пойдет посмотреть...

– Подумает, что кто-нибудь привязал.

– И что будет делать?

Все замолчали, задумавшись. Предсказать поведение матери было трудно, она была человеком настроения.

– Заберет себе и сготовит? – высказался Пашка.

– Не знаю, – я пожал плечами. – Может и не готовить, а забрать к нашим. Если заберет, то салата нам потом не видать.

– А его можно и с зеленым луком сделать, – сказал Моргуненок.

Мы снова замолчали, только курица не утихала.

– И еще про Марию Захаровну не забывайте, – не выдержал я. – Она опять будет искать и услышит крик.

– Убьем? – деловито спросил Пашка, рассматривая яйцо. – Хорошее питание – залог здоровья, – повторил усвоенную от отца фразу.

– Вы же хотели чтобы она яйца давала.

– Лучше сожрать ее. Яйца хорошо, но мясо вкуснее.

– Я убивать не буду, – отказался я. – Я бройлера рубил⁷.

Хотите, рубите сами.

– А и зарубим! – начал хорохориться брат. – Правда, Шурик?

– Ну... это... я тудым-сюдым... ни разу никого не рубил, – Моргуненок смущенно заморгал, – это же... там кровь вся-

⁷ См. рассказ «Бройлер».

кая... кишки...

– Это в голове у тебя кишки! – оборвал Пашка. – Друг называется, – надулся, как клоп.

Шурик, моргая, смотрел на него. Курица кричала.

– Надо что-то делать, – не выдержал я.

– Тебе надо, ты и делай, – Пашка демонстративно отвернулся.

– Вы ее притащили!

– Я не при чем, – попятился Шурик. – Меня Пашка заставил.

– Своей головы у тебя нет?

– У него там кишки, – ехидно вставил брат.

– А тебя не спрашивают! – я едва удержался, чтобы не отвесить ему оплеуху. – Иди и заткни ее! Или неси обратно к бабке!

– Никуда я ее не понесу, – Пашка потащился к курице и, нагнувшись, стал что-то делать.

Птица заткнулась.

– С вами с ума сойти можно, – сказал я.

Пашка прошел мимо нас. В руках он волок курицу с надетой на нее кепкой.

– Ловко придумал! – восхитился Шурик.

– Я ее в сарае спрячу, – не глядя на нас, обиженно сказал брат и ушел.

– Умный малый, – продолжал Шурик.

– Здравствуйте, – слышалось из-за спины.

Холодея, я медленно обернулся.

– Здравствуйте, Мария Захаровна, – выдавил.

– Здравствуй, Влад, здравствуй, Саша. Я курочку ищу, не встречали?

– Курочку? – я сглотнул. – С тех пор так и ищете?

– Почему с тех? – удивилась бабка. – Она тогда нашлась, а сегодня опять пропала.

– Опять погулять пошла, – фальшиво улыбнулся я. – Погуляет и придет.

– Как же, как же, – Мария Захаровна пристально смотрела на нас, – она привязанная была.

– Разве кур привязывают? – как можно искренне удивился я.

– От честных людей не привязывают, – бабка поджала губы, – а у нас чертовщина творится.

– Какая?

– Кто-то жерди из плетня вытащил⁸.

– Зачем они кому-то нужны? – Шурик удивился на самом деле искренне.

– Что ты глаза пучишь, Сашенька? Уж не знаю, а только кто-то позарился...

– Ну... это... того... – потерялся Моргуnenок.

– Так что насчет курочки? – деловито вернулась к наболевшему Максиманиха.

– Я не видел, – открестился я.

⁸ См. рассказ «Бройлер».

– А ты, Саша?

– Я? Ну... это... нет... того... не видел я, – начал мямлить

Моргуненок.

– Странно, а вроде отсюда откуда-то кричала?..

– Вы от дома услышали? – спросил я. – Это наша курица снеслась.

– Покажешь?

– Родителей дома нет, а они не разрешают никого пускать, когда их нет дома, – завел я привычную шарманку.

– А этого чего пустил? – попыталась уличить меня настыр-ная старуха.

– Я его не пускал, он в саду.

– А что это вы тут делаете? – не отставала она.

– Боксом занимаемся...

– А Павлик ваш, припертень, где? – бабка не скрывала подозрений. – Он же физкультуру любит, анафема.

– В туалет пошел.

Бабка задумчиво почесала бородавку на подбородке, ища, к чему еще придраться. Шурик замороженно переводил взгляд с меня на нее, будто наблюдал за увлекательным теннисным матчем.

– Сочная, сочная! Сочная, сочная! – донеслось со стороны дома.

Показался скачущий брат. Он пролез меж мощных березовых жердей ограды и подскакал к нам.

– Легок на помине, – бабка мощно высморкалась на тра-

ву, – прямо как черт. Здравствуй, Паша. Все скачешь? Очки нацепил, думаешь, все можно?

– Сочная, сочная! Сочная, сочная! – брат начал подбираться поближе к Марфе Захаровне.

– А вот хрен тебе! – погрозила палкой, удерживая его на расстоянии. – Меня не проведешь, козленок очкастый! Найдется и на тебя управа.

Брат остановился, опасаясь палки, и исподлобья уставился на Максиманиху.

– Чего смотришь как на врага народа? – спросила она.

Пашка расставил ноги и пригнул голову, будто собираясь пробиться на прорыв.

– Ишь как зыркает-то, – бабка в ожидании поддержки посмотрела на нас, – так бы и сожрал.

Мы молчали.

– Павлик, – Максиманиха уласковила голос, словно Лиса, искушающая горошком Петушка выглянуть в окошко, – ты курочку не видел?

– Сочная? – подал голос брат, слегка покачиваясь, как кобра перед факиром.

– Кто? – опешила бабка.

– Курица.

– Ну... – Марфа Захаровна задумалась, но палку не опускала, – ну... Влад, а что значит «сочная»? – наконец спросила она.

Я пожал плечами.

– Это значит, что ее сочитать можно, – снизошел до объяснений Пашка.

– Это как? – совсем растерялась Максиманиха.

– А вот так! – Пашка начал бешено скакать по траве, изображая руками скубущие движения и выкрикивать:

– Сочная, сочная! Сочная, сочная!

Бабка перекрестилась свободной от палки рукой.

– Жалко, мамка ваша, когда беременная была, ко мне не пришла. Я бы спицей поправила юрода этого.

– Мы тогда тут еще не жили, – примирительно сказал я.

– Вот и хорошо было, – бабка плюнула, стараясь попасть в Пашку, – когда вы тут не жили. И куры не пропадали и плетни никто не разбирал.

– Вы нас обвиняете? – я демонстративно хлестнул грушу.

Пашка, перестав прыгать, снова набычился на Марфу Захаровну.

– Нет, ну почему сразу вас? – пошла на попятный Марфа Захаровна. – Я просто сказала, что раньше куры не пропадали...

– Раньше время было другое, – по примеру отца я пустился в хорошо усвоенное от него словоблудие, – раньше консенсусу не было.

– Не было консервусу, – подтвердил Пашка, как обычно переврав малознакомое слово.

– Лучше бы и не было сэнсусу этого, – затравленно сказала Максиманиха, оглядываясь.

– Вы, Марфа Захаровна, аполитично рассуждаете, – укорил я, – советской женщине не пристало так говорить.

– Много ты знаешь, клоп рыжий! – вскинулась бабка. – При Иосифе-то Виссарионовиче живо бы порядок навели! Ну, ничего, – попятилась, злобно блестя глазками, – напишу участковому, пусть со всем вашим трио бандуристов разбирается. Житья от вас нет, собачьи дети! Понаехали тут, полугородские! Думаете, не знаю, что у вас дядька уголовник? А?

– И что? – я презрительно сплюнул. – Мы за дядьку не отвечаем.

– А ты забыл, Владик, – Максиманиха отошла уже далеко и поэтому кричала, – как вы с Андрейкой вагончик взломали?

– И что? – крикнул я. – Про это в милиции знают.

– А то, что за курицу ответите! Найдется на вас управа! – Максиманиха развернулась и шустрой рысью припустила прочь.

– Нас теперь посадят? – Пашка мигом растерял наглость и едва не плакал.

– Жалко, но нет, – я снова начал стучать по груше. – Вас бы хорошо вызвать в детскую комнату милиции да пропесочить там!

– Меня Пашка заставил, – скуксился Моргуnenок.

– Вы оба – соучастники!

– Я ничего не скажу, – блеснул стеклами брат. – Я вообще ничего не знаю!

– А кто знает?

– Не знаю, я вижу плохо, меня нельзя пытаться!

– А я... а я... – Моргуненок заметался, пытаясь придумать смягчающее обстоятельство, – а я вообще дома был! Вот! – с вызовом уставился на нас.

– А ты, Влад, хромой, – решил защитить меня брат, – ты бы курицу не догнал.

Шурик утвердительно закивал.

– Вы не забывайте, что она привязана была.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.